

Никита Мендкович

**ТЕРРОРИЗМ И
«ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ»
В РОССИИ**

Москва
Евразийский Аналитический Клуб
2017

Оглавление

1. «Террористическая эмиграция» как явление.....	4
2. Общая оценка уровня терроризма в России	12
3. Портрет российской терэмиграции.....	19
4. Ситуация на Северном Кавказе и в прилегающих регионах	25
4.1 Экономические факторы	28
4.2 Социально-политические факторы	35
4.3 Религиозно-идеологические факторы.....	40
5. Террористическая эмиграция из других регионов России.....	44
5.1 Трудовые мигранты из стран Центральной Азии.....	46
5.2 «Идейные экстремисты».....	49
5.3 Молодые уроженцы регионов Северного Кавказа.....	51
5.4 Терэмиграция по субъективным причинам.....	52
6. Анализ причин террористической эмиграции в России.....	53
7. Итоги исследования.....	60

Проблема терроризма и отъезда экстремистов в горячие точки из России, особенно с Северного Кавказа, – стала темой многочисленных ложных представлений и откровенных мифов. Для многих зарубежных авторов характерна демонизация реальной обстановки в регионе. Частой темой полемики становятся причины радикализации и террористической деятельности, а также эффективность борьбы российских властей против них.

Изучая проблему «террористической эмиграции» в горячие точки из стран Центральной Азии, я пытался сопоставить собранные данные со сведениями об аналогичной проблеме в России. Однако обнаружил, что, несмотря на обилие различных публикаций по этой тематике, какое-либо обобщенное исследование отсутствует.

В связи с этим я попытался самостоятельно обобщить сведения из доступных на нынешний день исследований, дополнив их некоторыми собственными данными. К их числу относится анализ статистики преступлений террористической направленности и отъезда радикалов в горячие точки в сопоставлении с социально-экономическими показателями в регионе. С помощью средств математического анализа мной выявлены и проанализированы корреляции между некоторыми из рассмотренных числовых рядов.

Кроме того, на основе открытых источников информации мной реконструирована группа биографий уехавших радикалов, чтобы выявить общие черты и оценить обстоятельства, предшествующие отъезду, и его возможные мотивы.

1. «Террористическая эмиграция» как явление

Волны массовой миграции террористов и экстремистов – естественный процесс. Находясь на родине вне закона, многие из участников нелегальных организаций вынуждены покинуть родину в случае изменения политической ситуации, военных поражений или повышения эффективности работы органов безопасности.

Исторически феномен «террористической эмиграции» (терэмиграции), т.е. выезда экстремистов за пределы страны постоянного проживания для участия в вооруженных конфликтах, возник в период Афганской войны 1979-1992 гг. Страны, выступавшие спонсорами

афганской вооруженной оппозиции, содействовали выезду в зону конфликта молодых радикалов из мусульманских стран, которые должны были участвовать в вооруженной борьбе против просоветского официального Кабула¹. Это привело к формированию горизонтальных связей между радикалами, познакомившимися в Пакистане и Афганистане, и получению военного опыта.

Их убеждения укреплялись в результате активного использования в идеологической работе с иностранными боевиками идей радикального джихадизма против немусульман или мусульман, не разделяющих концепции экстремистов (т.н. «такфиризм»). Именно в этих условиях зарождалась, например, «Аль-Каида» У. бен Ладена. После окончания войны получившаяся социальная общность была признана опасной в родных для радикалов государствах, включая Саудовскую Аравию. Началось выдавливание «джихадистов» властями в другие страны и регионы, что породило феномен «бродячих террористов» и ускорило интернационализацию террористического подполья².

На постсоветском пространстве первые волны «террористической эмиграции» отмечались в Узбекистане (начало 1990-х гг, выступление республиканских властей против местных салафитов) и после – в Таджикистане (конец 1990-х, отъезд «непримиримых» после гражданской войны). Местом притяжения для уезжающих радикалов стал охваченный гражданской войной Афганистан. Отъезд туда стал особенно популярен среди религиозных экстремистов после 1996 года, когда радикальным движением «Талибан» был захвачен Кабул и большая часть суверенной территории оказалась под контролем идейных братьев постсоветских террористов.

В результате союза с «Аль-Каидой» под покровительством талибов на территории Афганистана, контролируемой Талибаном, была развернута инфраструктура нескольких террористических организаций. В их числе центрально-азиатское Исламское Движение Узбекистана (ИДУ). Также в Афганистане начала действовать уйгурская Исламская Партия Восточного Туркестана (ИПВТ). Впрочем, талибы не

¹Слинкин М. Ф. Афганистан: страницы истории (80-90-е гг. XX века). Симферополь, 2003. С. 43.

²Игнатенко А. А Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока и в Центральной Азии), Москва: Институт востоковедения РАН «Крафт+», 2001. С. 13-15.

только предоставляли убежище разгромленным на родине террористам, но устанавливали контакты с другими квазигосударственными образованиями. Например, в середине 1990-х их правительство установило дипломатические отношения с «Республикой Ичкерия», провозглашенной террористами в Чечне.

Иностранных джихадистов, оказавшихся в землях, подконтрольных талибам, ждал теплый прием. Принимающая сторона могла гарантировать им безопасность на суверенной территории, политическую и даже финансовую поддержку. Боевики из ИДУ на территории Афганистана получали небольшую материальную поддержку, а сама организация – практически автономный статус: она имела вооруженные формирования, разведку, контрразведку и даже собственную тюрьму.

В 2001 году лидер талибов мулла Мухаммад Омар попытался упорядочить функционирование иностранных террористических организаций на территории страны и для координации совместных действий создал совет «Ливо» с участием их представителей. Судя по всему, создание постоянного совета лидеров террористов было связано с ожидавшимся разгромом «северного альянса» осенью 2001 года и последующим переносом деятельности на территорию стран Средней Азии, в первую очередь – Узбекистана³.

Хотя среди «террористов-эмигрантов» в Афганистане были выходцы из России, их поток не был массовым, и они чаще присоединялись к общинам сторонников ИДУ, ИПВТ и «Аль-Каиды». Вплоть до 1999 года центром притяжения для российских террористов была Чечня, контролировавшаяся на тот момент сепаратистами. Антитеррористическая операция начала 2000-х совпала по времени с вводом войск НАТО в Афганистан, поэтому экстремистам стало в равной степени неуютно в обоих государствах.

В период до 2013 года примеры террористической эмиграции из России и других стран СНГ в Афганистан и Пакистан встречались. Боевики преимущественно проникали в регион через Пакистан, где вступали в отряды ИДУ и отколовшийся от него «Союз Исламский Джихад». В стране действовала террористическая вербовочная сеть «Такфир ва аль-Хиджра», организовывавшая отъезд экстремистов в горячие точки. Во второй половине 2000-х появилась информация о

³Мендкович Н. А. Постсоветские союзники талибов // Афганистан.ру, 16 сентября 2013.

создании в зоне конфликта новых постсоветских террористических организаций «Джунд аль-Халифат» (Казахстан) и «Джамаат Булгар» (Россия). Обе организации пытались создать на территории родных государств постоянно действующую подпольную инфраструктуру, которая должна была готовить теракты, заказные убийства, а также чисто уголовные преступления для пополнения «кассы» боевиков⁴.

Однако масштабы «эмиграции» оставались достаточно ограниченными, не превышая в сумме несколько сотен человек.

Новую волну «террористической эмиграции» в 2013-2014 гг. порой связывают с успехами пропаганды ИГИЛ, в том числе создание цикла эффектных пропагандистских фильмов «Звон мечей». Однако в действительности такое объяснение слишком упрощено.

Еще в конце 2000-х в Афганистане действовала подпольная студия «Джундалла», выпускавшая широкий спектр видео-агитации – от музыкальных клипов джихадистского содержания до роликов, стилизованных под выпуски аналитических телепрограмм. Студия выпускала продукцию в том числе на европейских языках, включая английский, немецкий и русский.

Сам процесс вербовки терэмигрантов крайне мифологизирован в общественном сознании. Предполагается наличие неких сложных психологических техник, использование гипноза (в том виде, как этот прием воспринимает массовое сознание) и специальных наркотических препаратов. Однако в реальности речь в большинстве случаев идет об устной или эпистолярной агитации, напоминающей продажу товара или услуги коммивояжером. Подобные методы вербовки применялись еще в 2000-х гг. для привлечения боевиков из Центральной Азии в Афганистан, однако не были столь эффективны.

Реальная причина роста масштабов террористической эмиграции связана с конкретной военно-политической обстановкой в Сирии и Ираке. Успешное восстание иракских суннитских движений против шиитского правительства и гражданская война в Сирии, негласно поддержанная США, создали на Ближнем Востоке зону нестабильности. Туда, сориентировавшись в ситуации, направили свои силы международные террористические организации (МТО), включая «Аль-Каиду».

⁴*Karin E.* The Soldiers of the Caliphate: The Anatomy of a Terrorist Group. Astana: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2016; *Сулейманов Р. Р.* Татарские джамааты в Афганистане и Сирии ждут пополнения // Независимая Газета, 14 декабря 2016.

Изначально радикалы, покидающие Россию, оставались в Турции, однако после провозглашения в 2014 году «халифата» ИГИЛ страна превратилась в транзитную точку на пути следования на контролируемые организацией территории Сирии и Ирака. Известность нового квазигосударства террористов значительно превосходила «эмират», провозглашенный талибами в 1990-е.

Прежде всего здесь сказались военно-экономические факторы – наличие на территориях, контролируемых боевиками, работоспособной инфраструктуры по добыче нефти и трофейных складов оружия, что заставляло воспринимать провозглашенный «халифат» в качестве значимой силы. Другой причиной стала эпоха массового интернета и социальных сетей в России, которая помогала боевикам напрямую доносить свою агитпродукцию до целевой аудитории.

В отличие от более ранних текстов и видеороликов «Аль-Каиды», ИДУ и «Имарата Кавказ», агитационная продукция ИГИЛ рекламировала не только войну и идею «мести неверным», но модель создаваемого ими государства. Фактически «инновацией» пропаганды этой группировки стало то, что наравне с предложением «сражаться» за идею давалась возможность вести жизнь на подконтрольных территориях, в собственном доме, получать материальное содержание и делать карьеру в структурах ИГИЛ.

В условиях нелегального положения в России, Афганистане или Пакистане террористы были крайне ограничены в быту. Большинство было вынуждено скрываться в труднодоступных горных районах, часто либо неделями прятаться в каких-то небольших укрытиях, либо, наоборот, постоянно перемещаться, не проводя в одном месте более нескольких часов. Такой образ жизни исключал возможность нормального отдыха, быта, жизни совместно с семьей. Последнее обстоятельство создавало среди молодых боевиков сильное сексуальное напряжение, в отрядах ИДУ в Афганистане получил распространение гомосексуализм («братская любовь»)⁵. Предположительно, это обстоятельство хорошо понимали в ДАИШ, поэтому столько внимания уделяли проработке аспектов своих правил, касающихся брака и сексуального рабства⁶.

⁵Интервью с сотрудником ГКНБ Кыргызстана, июнь 2016.

⁶Примером может служить т.н. «фетва 64» ИГИЛ, регламентирующая вопросы сексуального рабства. Опубликована в общедоступных источниках: Exclusive: Islamic State ruling aims to settle who can have sex with female slaves // Reuters, December 29, 2015.

В сравнении с прочими регионами террористы в Сирии и Ираке предлагали гораздо более комфортные условия, которые даже получили в среде экстремистов название «пятизвездочного джихада»⁷. В результате боевикам удалось привлечь в свои ряды, по данным на 2016 год, от 27 до 31 тысячи иностранных боевиков, причем боевики приезжали как из арабских стран, Иордании (2-2,5 тыс.), Марокко (более 1,5 тыс.), Туниса (до 6 тыс.), так и из США, Франции, Германии и России⁸.

Подчеркнем, с организационно-политической точки зрения это не только боевики собственно ИГИЛ. Часть уезжающих в горячие точки присоединяются к другим террористическим организациям, включая «Джебхат ан-Нусра», в 2015 году заявившую о вхождении в состав коалиции «Джейш аль-Фатх». Судя по всем имеющимся данным, система взаимодействия отрядов боевиков в Сирии, особенно если речь идет о зарубежных боевиках, в большей степени схожа с классической системой феодального вассалитета. Находящиеся в зоне конфликта отряды присягают на верность одной из крупных группировок, рассчитывают на поддержку ее участников, но могут конфликтовать между собой по материальным и идеологическим поводам.

Часть терэмигрантов может физически находиться вне зоны боевых действий, но не возвращаться в родные государства. Это боевики, проходящие лечение за рубежом, участники бандподполья, сети вербовки и транспортировки неофитов, исполнители разведывательных и террористических заданий и, конечно, дезертиры из отрядов ИГИЛ и других группировок. Естественно, установить, кто из них кто, часто невозможно, так как бандпособники часто могут изображать из себя разочаровавшихся в ИГИЛ отступников и жертв ложных подозрений властей⁹.

⁷Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия. Доклад. № 238 (Европа). 16 марта 2016. Перевод с английского языка. Брюссель: International Crisis Group, 2016. С. 7.

⁸Lang H., Al Wari M. The Flow of Foreign Fighters to the Islamic State Assessing the Challenge and the Response. Washington D. C.: Center for American Progress, 2016. P. 3, 9, 11, 13.

⁹В этом плане характерен пример фильма О. Джемала «Их записали в ИГИЛ» («Дождь», 2016), где он рассказывает о группе радикалов, разыскиваемых за уход в ИГИЛ, но скрывающихся в Турции. Несмотря на то, что все они исповедуют радикальный салафизм, связаны с бандподпольем и живут закрытой общиной, - автор фильма категорически настаивает на том, что они не могут быть боевиками ИГИЛ, потому что отрицают свою вину и на момент интервью - не находятся в Сирии.

Есть точные данные о проживании больших групп отпускников, командированных и бывших боевиков ИГИЛ в Турции и на Украине. По косвенным данным, сеть игиловского бандподполья развернута также в Австрии и некоторых других странах ЕС. Эти «зарубежные общины» ИГИЛ после завершения войны против боевиков в Сирии составят большую проблему для органов безопасности и могут превратиться в новые центры распространения международного терроризма.

Появление ИГИЛ и война в Сирии перекроили международное террористическое движение, и это вызвало некоторые споры. Афганские террористические группировки изначально пытались сопротивляться отъезду своих боевиков в Сирию, обвиняя «реэмигрантов» в предательстве¹⁰. Однако боевики на Северном Кавказе быстро приняли новые правила игры. В 2015 большинство отрядов боевиков заявили о присоединении к ИГИЛ и начали активно способствовать отъезду боевиков в Сирию и Ирак. Активно рекламировалась возможность отъезда через Грузию и Турцию к месту боевых действий¹¹, бандподпольем Дагестана и некоторых регионов Грузии (преимущественно Аджарии и Панкисси) была создана сеть транспортировки нелегалов с конспиративными квартирами, проводниками и производством поддельных документов.

Среди боевиков, выезжающих в Сирию, были и террористы, ранее участвовавшие в Афганской войне или террористических группах на Кавказе, польстившиеся на лучшие условия жизни и большие перспективы. Однако среди них оказывались не только люди, давно прикнущие к исламистскому подполью в своих странах, но и лица, принявшие террористическую идеологию буквально накануне отъезда в горячую точку. К ИГИЛ и другим группировкам в Сирии присоединялись не только социальные маргиналы, но и достаточно знаковые персоны: Гулмурод Халимов (полковник ОМОН Таджикистана), Даниэла Грин (перебежчица из ФБР США), Денис Кусперт (известный рэпер из Германии), Бурак Куран (немецкий спортсмен), Вадим Дорофеев (российский киноактер).

¹⁰Правда о джихаде в Афганистане // Сайт МТО «Джамаат Ансоруллох», 2014.

¹¹Характерный пример – т.н. «Письмо Зайда» полухудожественный рассказ о терэмигранте из Чечни, опубликованный в 2015 году на пропагандистских сайтах МТО «Имарат Кавказ».

Это обстоятельство, а также количественные характеристики вызвали достаточно большой интерес исследователей к социальному феномену «террористической эмиграции», и последовал анализ причин распространения таковой на Западе и в России.

К сожалению, несмотря на значительное количество исследований общая концепция причин террэмиграции отсутствует. Европейские авторы выдвигают теорию, что причина – проблемы в адаптации мусульманского меньшинства в гомогенных с национальной и языковой точки зрения государствах Европы. В результате этого отдельные сообщества оказываются в изоляции и радикализуются, видят путь в экстремизме путь к самореализации и защите религиозной идентичности¹². Однако эта теория не вполне подтверждается статистикой радикализации. Так, во Франции более 70% мусульманских радикалов, планировавших отъезд в горячие точки, – выходцы из немусульманских семей (около 40% – атеистических)¹³. Однако подробный анализ европейской полемики по этому вопросу – вне пределов данного исследования.

В России общее число общедоступных публикаций по заявленной тематике несколько ниже, предположительно, из-за того, что основные исследования на базе материалов уголовных дел публикуются в специализированных изданиях МВД и ФСБ.

Из общения с представителями российского экспертного сообщества у автора сложилось впечатление, что многие воспринимают гипотезу об экономической природе терроризма едва ли не как аксиому, хотя она пока убедительно не подтверждена.

Некоторые российские авторы, тем не менее, настаивают на идеологической природе террэмиграции и исламского радикализма в России в целом. Причина радикализации – в идеологическом вакууме среди современной секулярной молодежи в России и на Западе, который пытаются заполнять экстремистские идеологи¹⁴.

¹²*Benmelech E., Klor E. F.* What Explains the Flow of Foreign Fighter to ISIS? Working Paper 22190. April 2016. Cambridge: The National Bureau of Economic Research, 2016. P. 11.

¹³*Bouzar D, Martin M.* Pour quels motifs les jeunes s'engagent-ils dans le djihad? // *Neuropsychiatrie de l'Enfance et de l'Adolescence*, V. 64, Iss. 6, Octobre 2016. P. 355.

¹⁴*Амелина Я. А.* Российские «игиловцы»: идеологический вакуум // «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад. Под общей редакцией Я. А. Амелиной и А. Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. С. 170-176; *Казанцев А. А.* Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России. № 27/2016. Главный редактор И. С. Иванов. М.: Спец-книга, 2016. С. 8-9.

Однако здесь нельзя согласиться с предложением, что идеология относится к числу обязательных потребностей человека. Ведь если говорить в терминах пирамиды Маслоу, «самоактуализация» – это далеко не самая базовая потребность. В конкретных жизненных ситуациях идеологию могут заменить «принадлежность и любовь», интерес к работе, хобби, семейной жизни и т.п.

Наконец, в России существует ряд классических работ по проблеме психологии террористов, в том числе на основе исследований в местах лишения свободы¹⁵. Однако они дают информацию преимущественно о возможных личностных чертах террористов (нарциссизм, тревожность, повышенная внушаемость и проч.), однако не позволяют дать четкий ответ о конкретных социальных явлениях, которые способствуют терроризму и террористической эмиграции.

Таким образом, представляется, что для анализа причин терэмиграции в России необходимо изучить весь комплекс возможных причин, основываясь на конкретных данных.

2. Общая оценка уровня терроризма в России

Для понимания криминального контекста ситуации с терэмиграцией на Северном Кавказе необходимо рассмотреть ситуацию с террористической угрозой в России. Некоторые зарубежные авторы считают, что она ухудшается. Это представление основывается на статистике преступлений террористической направленности (ПТН), совершаемых в России. На основе роста их численности и сокращения – раскрываемости, делают вывод о росте угрозы терроризма в России¹⁶.

В действительности, более тщательный анализ статистики дает совершенно иную картину. Мы сравним динамику совершения и раскрываемости ПТН и, собственно, террористических актов и покушений на таковые (табл. 1).

¹⁵Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998; *Его же* Особо опасный преступник: [тоталитарные преступники, серийные убийцы, террористы, бытовые убийцы, сексуальные маньяки, наемные убийцы]. М.: Проспект, 2011.

¹⁶Шибутов М. Терроризм в России – нарастающая динамика // Регнум, 4 апреля 2017.

Таблица 1 – Статистика преступлений террористической направленности в России в 2013-2016 гг.¹⁷.

	ПТН	- из них раскрыто	% раскрытых	Терактов	- из них раскрыто	% раскрытых
2013	661	454	68,7	31	29	93,5
2014	1128	579	51,3	33	22	66,6
2015	1538	575	37,4	8	1	12,5
2016	2227	735	33	25	23	92

Данные ежегодных отчетов МВД РФ.

Формально выше сказанное верно, число преступлений террористической направленности растет, а раскрываемость падает. Однако здесь есть две важных оговорки. ПТН в основном – не акты терроризма или подготовка таковых, основную массу данной категории преступлений составляют другие деяния. Прежде всего это заведомо ложные сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). В 2016 году таковых было зарегистрировано 1433, из них раскрыто 953¹⁸, так как подобные сигналы обычно – анонимные телефонные звонки, ответственных за которые непросто установить. Данный класс преступлений естественно и создает значительную массу ПТН и сильно «портит» статистику раскрываемости.

Масса реальных терактов составляет менее 1,3% от общей массы преступлений данного класса, колеблется год от года и не имеет очевидной тенденции к росту. Раскрываемость – сильно изменяется из-за индивидуальных особенностей каждого конкретного акта. В частности, концентрация терактов в конце года ведет к падению раскрываемости, так как дела могут быть прекращены или переданы в суд только в следующем отчетном периоде. (Так, например, взрыв на Покровке в Москве в декабре 2015 года был раскрыт, но уже – в январе 2016-го, и остался в статистике нераскрытых на 2015-й).

¹⁷Данные ежемесячных отчетов МВД РФ «Состояние преступности в России» за 2013-2016 гг.

¹⁸Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. Москва: МВД РФ, 2017. С. 17-18.

Основная причина роста нераскрытых ПТН – «террористическая эмиграция». По нормам российской статистики, дело может считаться раскрытым только в случае прекращения или передачи в суд, которые невозможны, если преступник находится за рубежом.

В частности, доклад МВД 2014 года комментирует рост числа зарегистрированных ПТН: «Рост количества указанных деяний преимущественно связан с активизацией работы по документированию преступлений, квалифицируемых по ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем). Доля данных фактов в общей структуре преступлений террористического характера составляет около 70%»¹⁹. Видимо, эта ситуация актуальна и сейчас²⁰. В отдельно взятом Дагестане доля таких деяний в статистике ПТН составляет 55% на 2016 год²¹.

Также определенный негативный статистический фон создают уголовные дела о призывах к террористической деятельности, распространяемые через интернет из зарубежных государств, в том числе из Сирии.

Проблемой преступлений, связанных с членством в НВФ и пропагандой такового, является то, что само событие преступления происходит в Сирии или Ираке, а доказать умысел на его совершение, пока террорист находится в России, не всегда возможно. МВД и ФСБ РФ ведут работу по перехвату экстремистов до выезда из страны, в том числе арестовывая вербовщиков и завербованных боевиков. Например, в течение 2016 года в Дагестане было пресечено 38 таких попыток²².

Активная «террористическая эмиграция» из Северного Кавказа началась в 2013 году на фоне растущей известности террористической организации ИГИЛ и усиления полицейского давления на

¹⁹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. М.: МВД РФ, 2015. С. 30.

²⁰ «Рост преступлений террористического характера обусловлен не повышением активности террористов в России, а другими причинами. Генпрокурор назвал среди них введение в законодательство новых составов преступлений, а также возросшую эффективность «работы правоохранительных органов по выявлению фактов участия россиян и иностранных граждан в незаконных вооруженных формированиях и террористических организациях на территории Сирии и Ирака» (Чайка отчитался о 45% росте связанных с терроризмом преступлений // РБК, 25 апреля 2017).

²¹ Более 20 преступлений по финансированию терроризма выявлено в Дагестане в 2016 году // РИА Дагестан, 29 марта 2017.

²² В 2016 году предотвращен выезд в Сирию почти 40 жителей Дагестана – глава МВД // Вестник Кавказа, 30 марта 2017.

религиозных экстремистов в России с целью обеспечить безопасность зимней Олимпиады в Сочи. Ряд авторов высказывают убеждение, что выезд радикалов в Турцию и Сирию поощрялся властями вплоть до 2014-15 гг., но реальными фактами эта теория не подтверждена²³.

Один из участников контртеррористической работы в Ингушетии так охарактеризовал ситуацию в своем анонимном блоге: «Как правило, нет никаких законных оснований не выпускать человека за границу. Он исповедует радикальные нормы ислама? И что? Это не основание... Расскажу случай. Один ингуш заявил своей жене, что собирается совершить «хиджру» в «халифат». Она была против и позвонила в полицию. Ну, вызвали его. Он пришел и сказал: «Да, я еду в Сирию. А что? Я не воевать туда еду, а просто жить там буду. Еще есть вопросы? Нет? Ну, и идите нафиг». После чего спокойно уехал. Законно и без проблем. Сделали выезд возможным не власти, а существующее законодательство...»²⁴.

Часть возбуждаемых дел об участии в НВФ касается лиц, выехавших в горячие точки в предыдущие годы, что сейчас обнаруживается органами правопорядка. Сложно сказать, по каким каналам информация о членстве россиян в террористических организациях поступает в ФСБ, но само ее наличие сомнений не вызывает.

В частности, характерен пример дела И. Захидова, которого еще подростком вначале отправили в египетское медресе, а затем вывезли в Сирию, где он присоединился к боевикам группировки «Джебхат ан-Нусра» в качестве рядового бойца. В 2016-м Захидов вернулся в Россию и пытался скрыть свое участие в НВФ, но был арестован уже через несколько дней²⁵. Наличие доказательств преступной деятельности рядового боевика, который даже завербован был вне России показывает хорошую информированность органов госбезопасности страны на современном этапе.

Таким образом, статистика ПТН мало отражает реальный уровень террористической угрозы внутри страны. Общая динамика терактов и покушений на таковые остается стабильной, причем большая

²³Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия. Доклад. № 238 (Европа). 16 марта 2016. Перевод с английского языка. Брюссель: International Crisis Group, 2016. С. 6-7, 17-18.

²⁴Святая простота или отсутствие мозга // Блог molonlabe, 16 мая 2016. Лексика оригинала сохранена.

²⁵Ширжик Л. Научили Родину любить // Лента.ру, 21 февраля 2017.

часть из них предотвращается еще на стадии подготовки. Например, в 2016 году из 25 зарегистрированных терактов – 16 (64%)²⁶.

Общий рост числа ПТН сам по себе отражает отток террористов и сочувствующих им из России.

Здесь необходимо оговориться, что значительная часть преступлений боевиков, нападения на силовиков, обстрелы постов полиции и т.п. – не учитываются в качестве ПТН, так как учитываются по статьям 105 и 317 УК РФ. Данный вид преступлений встречается преимущественно в регионе Северного Кавказа и является своеобразным «эхом войны». После вооруженных конфликтов в Дагестане и Чечне на руках у криминальных элементов остается достаточно много оружия, в том числе вооружений, похищенных с военных складов в начале 1990-х гг.

Статистика боестолкновений в регионе показывает, что в последние годы террористическая угроза стабильно снижается (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика боестолкновений на Северном Кавказе в 2013-2016 гг.²⁷.

	Боестолкновений	Убитых	- из них боевиков	- мирных жителей и силовиков
2013	332	529	298	231
2014	141	341	249	92
2015	87	209	166	17
2016	84	202	162	40

Сводные данные ИА «Кавказский Узел».

Как видно из приведенных данных, число боестолкновений и убитых в их ходе лиц сократилось в течение последних 4 лет примерно в 4 и 2 раза соответственно. Кроме того, статистика показывает, что сильно изменились результаты боестолкновений, все

²⁶Путин рассказал о терактах, предотвращенных ФСБ с 2016 году // РИА Новости, 16 февраля 2017.

²⁷По итогам 2014 года Чечня стала единственным регионом СКФО с ростом числа жертв конфликта // Кавказский Узел, 30 января 2015; В 2015 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось вдвое // Кавказский Узел, 5 февраля 2016; В 2016 году число жертв конфликта на Северном Кавказе выросло на 11% // Кавказский Узел, 2 февраля 2017.

меньше гибнет силовиков или мирных жителей и все больше завершается ликвидацией боевиков. В 2013 году террористы составляли лишь 56,3% убитых в ходе боестолкновений, в 2016-м – уже 87,1%. Фактически речь идет о переходе инициативы в руки силовых структур, в каком-то смысле отхода от борьбы с терактами – к ликвидации террористов.

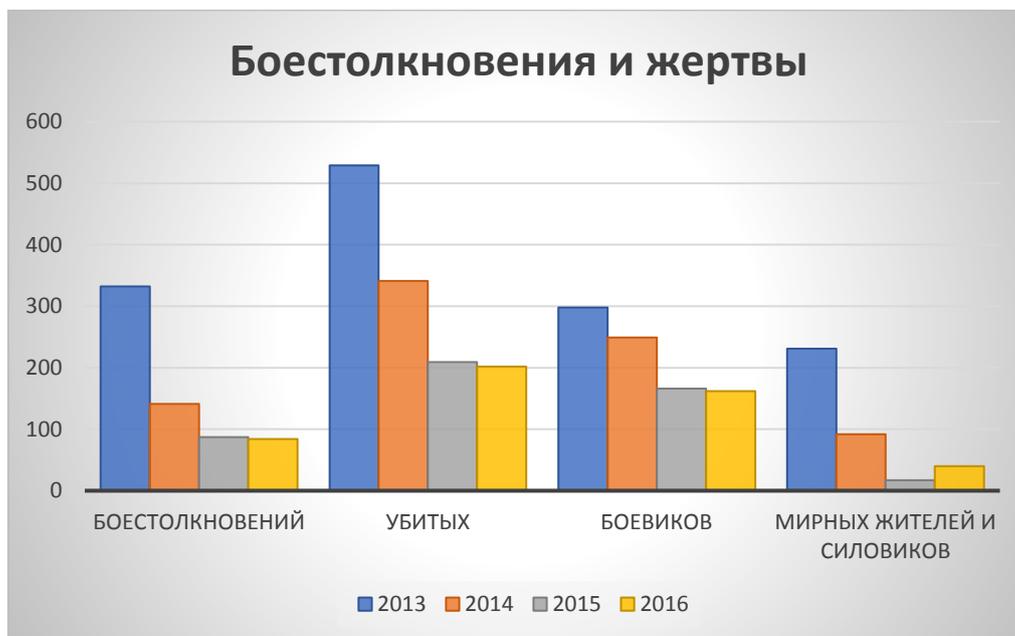

Рисунок 1 – Динамика боестолкновений в СКФО в 2013-2016 гг.

Достаточно большое число убитых в ходе боестолкновений боевиков связано, по мнению бойцов спецподразделений, с комплексом причин. Во-первых, это более доступные, чем для других категорий преступников, огнестрельное оружие и взрывные устройства. Во-вторых, тяжесть совершаемых преступлений и нежелание сдаваться. В-третьих, идеологическая «накачка» и применение для самоподрыва в экстренных ситуациях.

«Любой бандит знает, что он ходит по тонкому льду. Его не ставят в известность о том, когда его будут брать. Поэтому он всегда наготове, всегда ждет захвата. Естественно, у него нервы натянуты. Он может начать палить при любом подозрении на опасность. Или начать раскидывать «хатабки». Даже специально их носят с обломанными усиками, чтобы не надо было тратить время на кольцо – вытащил из подсумка и сразу бросил. И вот это нервное существо нужно брать живым. Я уже молчу про пояса смертника и прочие примочки

типа хатабок, приклеенных в районе паха лейкопластырем. Бандиты не доверяют никому, даже друг другу. Я помню несколько случаев, когда они убивали своих при малейшем подозрении», – писал в анонимном блоге боец одного из спецподразделений СКФО²⁸.

В целом, динамику ситуации в регионе можно назвать позитивной. В последнее время есть тенденция к сокращению числа боестолкновений в большинстве республик Северного Кавказа, исключая Дагестан и Чечню, на которые приходится 52% ПТН, совершаемых в России. Там же в последнее время фиксируется и основная масса боестолкновений и терактов. В первом квартале 2017 года, по данным ИА «Кавказский Узел», эти две республики были единственным местом подобных инцидентов в России²⁹.

Если говорить о социальной оценке представленных цифр, то можно заключить, что к 2016 году показатель террористической активности упал в регионе до уровня, который в среднем уже перестал оказывать влияние на бытовую безопасность законопослушных жителей.

На 40 погибших в результате действий террористов на Северном Кавказе в течение 2016 года приходится не менее 500 общеуголовных убийств, зарегистрированных в регионе³⁰, и 63 смертей в результате несчастных случаев на производстве³¹.

В целом, можно сделать вывод, что уровень реальной террористической угрозы в России снижался в течение последних 2-3 лет. Рост числа зарегистрированных преступлений террористического характера отражал усилия правоохранительных органов по борьбе с терроризмом и экстремизмом, активную оперативную работу по раскрытию бандподполья.

Боестолкновения в регионе – чаще всего операции по аресту и уничтожению террористов, опасность которых для мирного населения неуклонно снижается и сейчас гораздо ниже, чем иные криминальные или бытовые угрозы.

²⁸Почему, а? Почему? // Блог molonlabe, 30 января 2013.

²⁹Жертвами вооруженного конфликта на Северном Кавказе в первом квартале 2017 года стали 45 человек // Кавказский Узел, 15 апреля 2017.

³⁰Здесь и далее все криминальная статистика на уровне регионов РФ по данным Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, 2017.

³¹В СКФО, как и по всей России, сохраняется положительная тенденция снижения количества случаев производственного травматизма // Сайт Министерства труда о социальной защите, 30 октября 2015.

В результате уровень реальной террористической активности на Северном Кавказе и в Поволжье неуклонно снижался, террористы оказывались в тюрьме или были вынуждены скрываться за рубежом, что и положило начало «террористической эмиграции», о которой идет речь в настоящем докладе.

3. Портрет российской терэмиграции

Как упоминалось выше, по последним данным, в Сирию и Ирак из России за последние годы выехали около 4-4,5 тыс. человек. Не ясно, учитываются ли в этой статистике убитые боевики и те, кто пытался вернуться в Россию. Анализ совокупности официальных заявлений представителей ФСБ и МВД помог установить численность «террористической эмиграции» для 11 субъектов федерации (см. таблица 3).

Таблица 3 – «Террористическая эмиграция» из различных регионов России по состоянию на апрель 2017 года³².

Республика	Террористическая эмиграция, чел	- на 10 тыс. жителей
Дагестан	1200	4,1
Чечня	700	5
Кабардино-Балкария	183	2,1
Ставропольский край	150	0,5
Ингушетия	118	2,4
Астраханская область	70*	0,7
Татарстан	70	0,2
Башкортостан	70*	0,1
Москва	66*	0,05
Адыгея	24	0,5
Северная Осетия	15	0,2
Северный Кавказ, всего	2700	2,7
Россия, всего	4500	0,3

*Неполные или устаревшие данные.

³²Rosenblatt N. All Jihad is Local: What ISIS' Files Tell Us About Its Fighters. July 2016. Washington D.C.: The New America, 2016. P. 13; МВД насчитало более тысячи дагестанцев в рядах ИГ в Сирии // Кавказский Узел, 31 января 2017; МВД в 2016 году насчитало 19 выехавших к

Как видно из представленных данных, ситуация с «террористической эмиграцией» очень сильно отличается от региона к региону.

Наиболее высокий уровень терэмиграции в Дагестане и Чечне, регионах, где в 1999-2000 гг. шла война против отрядов боевиков-исламистов. В 1996-1999 году сама Чечня и некоторые дагестанские населенные пункты находились под их полным контролем, так что ситуация в регионе наиболее сложная. Это отражается и на уровне терэмиграции – 4,1 и 5, самым высоким в России. Основная масса терэмигрантов – местные уроженцы из числа этнических мусульман, по разным причинам принявших радикальную идеологию.

Основная причина – в регионе до сих пор действует подпольная криминально-террористическая сеть, фундамент которой был заложен еще в 1990-е. На тот момент бандподполье имело доступ к большим финансовым ресурсам от незаконной добычи нефти в Чечне, торговли оружием и наркотиками, захватом заложников и наркоторговлей. В 2000-2010-е ее возможности были сильно ослаблены, однако в регионе до сих пор имеют место случаи рэкета со стороны радикального бандподполья против местного бизнеса.

Долгое время ресурс регионального терроризма подкреплялся специальными службами Грузии, поддерживавшими тесный контакт с бандподпольем. Боевики получали убежище и проходили обучение в лагерях на территории республики, получали поддержку финансами и оружием. Ситуация сохранялась вплоть до смены режима власти в Грузии в 2013 году³³.

Кроме того, в случае Чечни проблему составляет преступная деятельность «чеченской эмиграции» в Европе. Уровень радикализации

сирийским боевикам жителей Чечни // 26 января 2017; Идти по следу: как в Чечне разыскивают экстремистов // Russia Today, 5 мая 2017; ФСБ насчитало 183 жителя Кабардино-Балкарии среди боевиков в Сирии и Ираке // 2 мая 2017; МВД уточнило число подозреваемых в причастности к ИГ жителей Ингушетии // 30 января 2017; Более 70 жителей Астраханской области воюют в рядах ИГ // 18 ноября 2015; В Сирии на стороне боевиков воюют 70 татарстанцев // РБК, 7 октября 2016; Из Башкирии воевать за ИГИЛ уехало 70 человек // Росбалт, 16 июня 2016; ФСБ разыскивает 15 жителей Северной Осетии воюющих в Сирии // Градус-про, 27 декабря 2016; ФСБ заявило о 24 примкнувших к «Исламскому государству» жителях Адыгеи // 25 ноября 2016; В Сирии на стороне террористов воюют 150 ставропольцев // Комсомольская правда, 9 января 2017; Патрушев: международные боевики активизировали вербовку на Северном Кавказе // РИА Новости, 19 апреля 2017.

³³ *Апхаидзе Ш.* Стамбульский теракт: Саакашвили, Украина и оружия для ИГИЛ // Русская Весна, 12 июля 2016; *Белова О.* О сотрудничестве режима Саакашвили с террористами Северного Кавказа // Кавказовед, 6 июля 2014; *Сайдаев И.* Убрать свидетеля. Грозный: ГФ Кавказ. Новые горизонты, 2013.

чеченской молодежи, чьи родители эмигрировали в ЕС, высок из-за проблем интеграции в странах пребывания и культивирования русофобских установок на уровне воспитания в семьях. В рядах «Ан-Нусры» и ДАИШ многие из них оказываются в подразделениях разведки и контрразведки, поэтому естественно, что террористы наиболее активно вербуют через интернет чеченоязычную молодежь, используя этот кадровый ресурс³⁴.

Однако приведенная выше статистика отражает совокупный уровень терэмиграции в Чечне и Дагестане за все прошлые годы. И это не значит, что проблема стоит сейчас так же остро. Недавно проведенное социологическое исследование в Дагестане показывает, что вместе с уровнем терроризма, по ощущениям местных жителей, сокращается и террористическая эмиграция. «Пик, наверное, все-таки не сейчас. Пик этой утечки в Сирию был, ну, года два назад, когда многие уходили. Очень сильно была разработана эта тема – экстремизма, радикального ислама и прочего. Тогда был пик. Сейчас я давно не слышал, года два точно, что кто-то уехал туда», цитирует исследование одного из респондентов³⁵.

Это может указывать либо на реальное затухание проблемы терэмиграции, либо на то, что она начинает затрагивать только ограниченные категории дагестанцев, слабо интегрированные в социум.

Дальше идут Ингушетия и Кабардино-Балкария (2,4 и 2,1), куда экстремизм активно проникал из сопредельных субъектов федерации еще в 1990-2000-е гг. Там так же до сих пор сохраняется определенная инфраструктура бандподполья, порой совершаются вооруженные вылазки по приказу из-за рубежа. В этих республиках уровень терэмиграции и террористической активности в прошлом гораздо выше, чем в других регионах страны с мусульманским населением.

В частности, в Татарстане и Башкортостане так же имели место и терэмиграция (0,1-0,2), и теракты, и пропаганда радикального ислама, в том числе в местных мечетях. Однако количественные характеристики этих проблем, по доступным данным, уровня Ингушетии и Кабардино-Балкарии никогда не достигали.

³⁴Джихад на экспорт. С. 8-9, 15.

³⁵Васильева Н., Майборода М., Ясавеев И. «Почему уходят в ИГИЛ?»: дискурс-анализ нарративов молодых дагестанцев // Социологическое обозрение, Т. 16, № 2, 2017. С. 61.

В условиях России основным источником данных о «террористической эмиграции» служат публичные заявления силовых структур об уехавших боевиках и их общей численности. Разные источники высказывают разные мнения о достоверности этих данных применительно к России. Одни авторы исходят из неполноты этого учета, указывая на неизбежную латентность, другие, наоборот, считают данные спецслужб о «террористической эмиграции» преувеличенными.

Детали оперативной работы нам точно не известны, однако мы можем выделить следующие возможные источники сведений:

- Публичные выступления «эмигрантов» в пропагандистских роликах террористов или вербовка соотечественников через интернет под своим именем;
- Сообщения родственников, которым уехавший написал или позвонил из горячей точки (судя по доступным примерам, такого рода заявления от родных нередки);
- Оперативная информация из источников в джихадистской среде;
- Информация спецслужб Сирии и Ирака, а также трофейные документы террористов.

Последний источник особенно хорошо доступен для властей России, участвующей в войне с терроризмом в Сирии и имеющей постоянный доступ к «полевым данным». Захват трофейных документов тем более вероятен, что примеры такого рода утечек известны из открытых источников. В частности, «умеренной» оппозицией в Сирии в 2016 году была захвачена большая коллекция документов ИГИЛ, включающая более 3,5 тысяч анкет, заполненных иностранными боевиками³⁶. Указанный источник дает некоторые представления о среднем портрете иностранного боевика ИГИЛ.

Чтобы сравнить его со среднероссийскими данными о «террористической эмиграции», я составил выборку из 19 индивидов, информация о которых собрана мной из открытых источников. Из выборки мной были исключены такие одиозные примеры, как В. Караулова и В. Дорофеев, чтобы получить более достоверный социальный портрет.

³⁶Rosenblatt N. All Jihad is Local: What ISIS' Files Tell Us About Its Fighters. July 2016. Washington D.C.: The New America, 2016. P.2.

Таблица 4 – Сравнительный социальный портрет общей массы боевиков ИГИЛ и выборки боевиков из России³⁷.

	Анкеты ИГИЛ	Наша выборка терэмигрантов
Возраст	26-27 лет в среднем	23-24 года
Семейное положение	30% состоят в браке	31% – в браке
Образование	32% среднее/среднее специальное, 10% неполное высшее, 13% высшее	70% среднее/среднее специальное, 27% неполное высшее
Работа	19% безработные и самозанятые 30% учащиеся и неквалифицированные работники 48% квалифицированные 3% высококвалифицированные	36% безработные и самозанятые 36% учащиеся и неквалифицированные рабочие 15% квалифицированные 10% высококвалифицированные
Религиозное образование	25%	15%

Из приведенных данных мы видим, что боевики из России – в среднем на 3 года моложе, чем общая масса неопитов ДАИШ. Среди них примерно тот же уровень женатых людей, что частично связано с тем, что в выборке много молодых людей, не окончивших обучение, а для России характерны более поздние браки, чем для стран Ближнего Востока. Уровень образования – существенно выше, чем среди общей массы боевиков, практически все россияне окончили среднюю школу (только у 1 неоконченное среднее, 8 классов). Зато в среднем уровень религиозного образования у общей массы боевиков – несколько выше.

Сложнее ситуация с занятостью. Для российских боевиков характерна большая доля (в два раза) безработных и самозанятых, однако это не связано с более низким благополучием выборки. Из 5 отмеченных мной самозанятых россиян двое – торговцы-«челноки», в массе боевиков ДАИШ с Ближнего Востока большинство самозанятых – крестьяне. Среди «учащихся и неквалифицированных рабочих»

³⁷Ibid. P. 7-8.

в российской выборке 100% составляют студенты вузов и техникумов, которые просто не завершили обучение на момент «эмиграции».

Кроме того, в регионе после социально-политического кризиса 2011 года безработица часто связана с экономическим крахом, на российском Кавказе – ситуация несколько иная. Часть боевиков-россиян имела возможность трудоустроиться, но характерная для Дагестана и Чечни трудовая этика порой полагает нежелательным для мужчин браться за считающийся непрестижным труд, особенно за работу в сельском хозяйстве по найму. Поэтому для некоторых террористов статус безработного, особенно при полном среднем образовании – мог быть сознательным выбором.

Таким образом, можно констатировать, что уровень экономического благополучия среди террористов-россиян довольно высок: подавляющее большинство имеют среднее образование, несомненно доступ к высшему и среднему профессиональному, почти каждый четвертый имеет профессиональную квалификацию. 40% самозанятых имели базовый капитал для открытия мелкого бизнеса.

Анализ биографических данных показал, что только у 4 человек (21%) имелись те или иные признаки материальных проблем. Прочие имели сравнительно высокий статус и материальное положение: минимум у 1 человека был собственный бизнес (кафе), практически все имели постоянное жилье, многие – предметы длительного пользования, включая личный автотранспорт. Практически у всех молодых людей из выборки родители имели собственное хозяйство или постоянную работу, так что могли помочь им материально. Вынужденным было решение об отъезде только 1 индивида, выехавшего в горячую точку в возрасте 16 лет под давлением отца-экстремиста.

Следовательно, выбор участия в войне на стороне террористов диктовался личными или идеологическими причинами. К сожалению, анализ доступных данных смог выявить лишь 3 случая острых конфликтов или драматических событий, предшествовавших «эмиграции». Это конфликт из-за перспективы замужества, неприязнь сельского окружения, тяжелая болезнь дочери. В принципе, каждый из этих конфликтов мог спровоцировать серьезный психологический кризис, фрустрацию и агрессию или аутоагрессию. В этом случае уход к террористам мог быть для них гиперреакцией на жизненные

проблемы, какой в других случаях бывают пьянство, наркомания, бытовое насилие или суицид.

Однако это не позволяет проследить корни терэмиграции в других случаях.

4. Ситуация на Северном Кавказе и в прилегающих регионах

Около 60% терэмигрантов выезжают в горячие точки с Северного Кавказа. Это явление нельзя назвать индикатором политических проблем или протестной активности в регионе. Для республик Северного Кавказа с преимущественно исламским населением, наоборот, характерен один из самых высоких в России уровней поддержки действующей власти и политической системы.

Так, в 2016 году в ходе выборов в Государственную Думу явка избирателей в субъектах Северокавказского Федерального Округа практически везде, кроме Адыгеи, составила более 80% (в Москве около 35%)³⁸. Близкую картину мировоззрения местных жителей показывают и опросы населения, включая проведенные зарубежными или оппозиционными исследовательскими центрами: социологи фиксировали лояльное отношение к существующему государственному устройству и лояльность правящим партиям среди всех религиозных групп³⁹. При этом социологические исследования последних лет показывают позитивную динамику оценок ситуации в регионе (табл. 7-6).

Частично это можно объяснить большими дотационными программами в регионе, частично – уверенностью местных избирателей, что государство способно предотвратить вспышки новых военных конфликтов по образцу 1990-х гг.

Кроме того, социологические исследования прошлых лет показывают, что для жителей СКФО характерно даже более нетерпимое отношение к терроризму и террористам, чем в других федеральных округах. Для респондентов в регионе нехарактерны попытки оправдать террор

³⁸Данные Центральной Избирательной Комиссии, 2016.

³⁹Северный Кавказ в зеркале общественного мнения. Северный Кавказ в год выборов 2007-2008. Прага: Издательство «Medium-Orient», 2008. С. 11-13, 16; Ценности дагестанских мусульман: что показал опрос? М.: «Кавказский Узел» - Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2016.

и террористов, им часто приписывают сугубо корыстные мотивы и связи с иностранными спецслужбами⁴⁰.

Таким образом, террористическая эмиграция – маргинальное с политической точки зрения явление. Однако его абсолютные масштабы достаточно заметны. Наиболее «проблемными» можно назвать Дагестан и Чечню, из которых в горячие точки выехало 1800 человек, т.е. более трети от всей террористической эмиграции из России. На наличие проблем указывает также то, что столь масштабный отъезд радикалов не привел к полному иссяканию потока. С января по май 2017 года из Чечни полицией был предотвращен выезд более чем 50 лиц, сочувствующих террористам. Уже сейчас в Чечне один из самых высоких уровней «террористической эмиграции» в России и на всем постсоветском пространстве.

При этом ни «эмиграция», ни масштабные полицейские операции зимой 2016/17 года не ведут к полному затуханию террористической активности в самой республике: в течение первого квартала 2017 года там в результате терактов и боестолкновений погибли 28 человек, среди которых 11 силовиков и 17 боевиков. Именно в Чечне в марте было резонансное нападение боевиков на базу Росгвардии, в ходе которого погибли 6 гвардейцев.

На втором месте по уровню проблемы находится Дагестан, который является даже лидером по абсолютному числу выехавших среди субъектов РФ. По состоянию на 2016 год, там также продолжался отъезд радикалов (около 40 предотвращенных случаев за год) и одновременно отмечался рост террористической активности.

В течение года в республике было зафиксировано 64 вооруженных инцидента (+12% к уровню прошлого года), в которых погибли 126 человек (+16%), из которых 21 – силовики и мирные жители. В отношении к общей террористической активности на Северном Кавказе это составило 76,2% инцидентов, 62,4% – убитых, 80,8% – погибших силовиков и мирных жителей. По сути, Дагестан сейчас остается основным источником террористической активности в стране,

⁴⁰Регулярные социологические исследования общественного мнения по вопросам противодействия идеологии терроризма за 2012-2013 годы. Москва: Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина, 2013 С. 45-54. Исследования на основе углубленных интервью показывают схожую картину. (Васильева Н., Майборода М., Ясавеев И. «Почему уходят в ИГИЛ?». С. 61-62).

которая выше, чем в других «проблемных» республиках Северного Кавказа (таблица 5).

Таблица 5 – Террористическая активность в 2016 году в некоторых республиках Северного Кавказа

	Дагестан	Чечня	Кабардино-Балкария	Ингушетия	СКФО, всего
Боестолкновений	64	6	7	5	84
Убитых	126	23	13	15	202
- из них силовиков и мирных жителей	21	5	2	2	40
Раненых	45	8	1	0	85
- из них силовиков и мирных жителей	43	6	1	0	81

Сводные данные ИА «Кавказский Узел».

Как видно из приведенных данных, в регионах Северного Кавказа, кроме Чечни и Дагестана, в год фиксируется менее 20 вооруженных инцидентов на регион, с минимальным числом жертв среди силовиков и местного населения. При чрезвычайном насыщении местного черного рынка оружия (арсеналы времен чеченских войн и контрабанда с Украины после 2014-го) – сравнительно низкий уровень вооруженной преступности нужно признать большим успехом властей.

В 2017 году власти заявили о том, что процесс террористической эмиграции и полицейские меры привело к существенному уменьшению бандподполья в регионе. «На Кавказе осталось 50-80 боевиков – не тысяча, с которыми мы воевали. Все имена нам известны, вопрос только в том, чтобы их найти» – объявил представитель российского МИД в июне 2017 года⁴¹.

Тем не менее, как упоминалось выше, случаи терэмиграции и неудачные попытки отъезда встречаются в регионе до сих пор. Поэтому важно понять социальные причины, которые продуцируют религиозных радикалов, ориентированных на террор.

⁴¹В МИД рассказали, сколько боевиков уехало из России в 2017 году // РИА Новости, 7 июня 2017.

Можно выделить следующие классы причин, определяющие радикализацию индивидов:

- Экономические;
- Социально-политические;
- Религиозно-идеологические.

4.1 Экономические факторы

Проблемы экстремизма и терроризма на Северном Кавказе чаще всего связывают с негативными явлениями социально-экономического толка: экономической рецессией, высокой безработицей и т.п. В связи с чем ряд авторов считают ключевой мерой борьбы с религиозным радикализмом в регионе экономическое развитие⁴². Несмотря на очевидность влияния социальных условий на политические и религиозные идеи необходимо критически проанализировать их взаимосвязь на примере конкретных данных.

Ряд существующих исследований предполагают, что высокий уровень экстремистских преступлений в Дагестане и Чечне обусловлен совпадением высокого уровня безработицы и с высокой плотностью населения, рождаемостью и коэффициентом воспроизводства⁴³. С целью проверки этой гипотезы мы рассмотрим ряд статистических показателей, характеризующих социально-психологическую и политическую ситуацию в 9 регионах Южного и Северо-Кавказского федерального округов, где был отмечен высокий уровень «террористической эмиграции», а также среднероссийский уровень каждого показателя.

Мы исходим из того, что если социально-демографическая ситуация отрицательно влияет на благополучие населения, то реакцией на эту проблему, наравне с радикализацией, будут обычные виды негативной динамики, криминальное поведение и суициды. Для проверки полученных данных нами также рассмотрены уровень душевых доходов в регионе и доля населения, имеющая доход ниже прожиточного минимума. Наконец, нами рассмотрены такие показатели радикализации, как статистика ПТН и терэмиграции. В целях сопоставления все показатели нормализованы по числу жителей.

⁴²Например, *Примаков Е. М.* Мысли вслух. М.: Российская Газета, 2011. С. 174, 176.

⁴³*Паскачев А. Б.* Национальная политика в России. От империи – к единой российской нации. Москва-Ярославль: Литера, 2016. С. 188-189; *Литвинова Т. Н.* Факторы проявления терроризма в Республике Дагестан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2(8), 2011. С. 122.

Таблица 6 – Социально-экономическая ситуация, преступность и терэмиграция в некоторых регионах ЮФО и СКФО в 2015-2016 гг.⁴⁴.

Регионы*	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Россия
Безработица, %	10,9	17,1	5,6	10,1	30,2	15,1	9,3	8,8	6,1	5,5
Естественный прирост населения, на 1000 человек	12,9	18,2	1,4	5,8	15,2	2,7	3,9	-0,5	-1,8	8,7
Среднедушевой денежный доход в течение месяца, тыс. р.	23,4	19,7	21,6	16,6	14,3	16	19,8	22,1	23,4	27,8
Доля населения с уровнем дохода ниже прожиточного минимума, %	10,1	14,2	11,6	18,5	24,9	19,5	11	12,1	12,9	11,2
Доля сельского населения, %	54,9	65,2	28,4	47,7	58,7	57,5	35,8	52,6	32,2	25,8
Преступлений на 1000 человек	5,4	2,8	12,2	8,9	4,1	7,5	11,6	10,2	20,6	15
Тяжких преступлений, на 1000 человек	1,07	0,55	1,9	1,94	1,21	1,5	2,2	1,5	3,3	2,4
Самоубийств, на 100 тыс. человек	2,2	0,6	10,7	4,8	0,9	10,5	1,8	18,4	6,9	5,8
Спортивных объектов, на тыс. населения	0,61	0,85	1,38	1,67	0,61	1,15	1,45	1,77	1,83	1,54
Размер библиотечных фондов, на тыс. населения	2673	1186	5266	5796	1411	5649	5132	5541	5456	5727
ПТН, на 1000 человек	0,32	0,14	0,02	0,16	0,23	0,19	0,05	0,02	0,01	0,02
Террористическая эмиграция, коэффициент	4	5,1	0,5	2,1	2,4	-	0,2	0,5	-	0,3

*1 – Дагестан, 2 – Чечня, 3 – Ставрополь, 4 – Кабардино-Балкария, 5 – Ингушетия, 6 – Карачаево-Черкесия, 7 – Северная Осетия, 8 – Адыгея, 9 – Ростовская область.

⁴⁴Данные Федеральной Службы Государственной Статистики, 2015-2016.

В целях оценки представленных данных мы прибегали к простейшему приему математического анализа. Для приведенных числовых рядов нами был проведен расчет статистического коэффициента корреляции по формуле Пирсона, характеризующего взаимозависимость двух показателей.

Прежде всего, констатируем, что для региона действительно характерна высокая безработица наравне с приростом населения, опережающим рост и экономики, и числа рабочих мест. Исследователи отмечали в начале 2010-х феномен «лишних детей», проблема недостаточной доступности для молодежи рабочих мест. Зачастую трудоустройство даже на промышленные производства с тяжелыми условиями труда происходит через знакомства. Затруднено получение работы даже молодыми специалистами с высшим и средним специальным образованием по месту прохождения производственной практики⁴⁵.

Тем не менее, при анализе статистики из табл. 6 было обнаружено, что высокий уровень безработицы не соответствует высокому уровню социальных бед, которые могли бы служить крайними формами реакции: преступлений (коэффициент -0,71), включая тяжкие (-0,59), или суицидов (-0,42). Аналогичная картина и для коэффициентов корреляции с плотностью населения, где также прямая зависимость не прослеживается. Таким образом, в условиях изучаемого региона пара этих показателей не определяет обычные виды реакции на тяжелые социальные условия через агрессию или аутоагрессию.

При этом зафиксирована несомненная корреляция между обоими социально-демографическими факторами и уровнем ПТН (коэффициент положительный 0,6-0,63). Корреляция с уровнем террористической эмиграции также присутствует (0,48 и 0,83), хотя для пары «эмиграция – безработица» выражена менее явно. Таким образом, традиционное представление о связи между уровнем безработицы и экстремизмом в целом подтверждается.

Но картина резко усложняется, если мы учитываем третий показатель – среднедушевой доход населения региона. Как ни странно, он не коррелирует ни с уровнем «террористической эмиграции» (-0,27),

⁴⁵Абдулкеримов К. К. Безработица – социальная проблема современного Дагестана // Известия Дагестанского Педагогического Государственного Университета. Общественные и гуманитарные науки, №1, 2012. С. 3.

ни с ПТН (-0,46). В случае общего уровня террористических преступлений прослеживается обратное соответствие, но оно может быть случайным. При этом уровень дохода соответствует уровню преступности (0,51), но также слабо влияет на уровень тяжких преступлений (0,4) и самоубийств (0,18).

Поправка на уровень бедности среди населения также мало меняет картину. Доля населения, живущего ниже уровня прожиточного минимума, также не коррелирует с «эмиграцией» (0,21) и имеет сомнительную корреляцию с ПТН (0,43). Как мы помним, соответствие уровня безработицы и воспроизводства террористической активности – более явно.

Объяснить имеющиеся противоречия за счет различий в уровне доходов и, своего рода, вражды между бедными и богатыми нельзя. Анализ макроэкономических показателей не позволяет говорить о наличии масштабных социальных конфликтов. В частности, различия в уровне доходов в регионе – ниже, чем по России. В среднем по стране т.н. коэффициент Джинни составляет 0,418 единиц, что довольно много по международным меркам. Однако имущественные различия во всех изучаемых регионах ниже: в Дагестане – 0,391, в Чечне – 0,408, в Ингушетии – 0,367⁴⁶.

Таким образом, можно заключить, что уровень терроризма зависит от уровня безработицы в паре с воспроизводством населения, но не с уровнем доходов. То есть в террор людей толкает не бедность, а отсутствие занятости.

Эту гипотезу косвенно подтверждает анализ корреляции уровня развития досуговой инфраструктуры, спортивных объектов (спортплощадок, спортзалов, плавательных бассейнов) и библиотек. Последние в российских условиях являются муниципальными площадками для различных досуговых кружков и социальных инициатив, поэтому их уровень развития крайне важен. Корреляция этих показателей со статистикой ПТН – обратная с крайне высоким коэффициентом, -0,81 и -0,6. С терэмиграцией – -0,74 и -0,82. Корреляция сохраняется, даже если исключить из анализа наиболее слабо обеспеченные Дагестан и Чечню.

Это позволяет предполагать, что слабый уровень развития инфраструктуры досуга создает почву для радикализма. В особенности в сочетании с высокой безработицей.

⁴⁶Данные ФСГС, 2014.

Парадокс слабого влияния бедности на социальную ситуацию и радикализацию, вероятно, связан с тем, что в большинстве рассматриваемых регионов велика доля сельского населения (более 50% в Дагестане, Чечне и Ингушетии), имеющего семейные подсобные хозяйства, что смягчает социальные проблемы. Молодой человек, не нашедший работы, может теоретически вернуться в родное село и работать в хозяйстве кого-то из родственников. (В рассмотренной выборке эмигрантов зафиксирован минимум 1 такой пример, когда молодой человек, не имеющий постоянной работы, занимался сельскохозяйственным трудом в хозяйстве отца).

Кроме того, для многих республик СКФО характерно получение заметным процентом населения неучтенных доходов. Например, в Дагестане, особенно в горных районах, имеет место массовая «теневая занятость» (662 тыс. человек)⁴⁷ и фиктивное получение инвалидности с целью повышения пособий (всего около 200 тыс. зарегистрированных инвалидов)⁴⁸. Таким образом 29-30% населения республики получают неучтенные доходы при формальном статусе безработных, что несколько разряжает социальный климат в республике.

Наконец, социологические исследования показывают, что период развития терэмиграции 2013-2016 гг. совпал с улучшением социального климата в регионе. Опросы отмечают, что в этот период росла доля позитивных оценок молодежью СКФО ситуации в родных республиках, особенно в сфере занятости.

Как видно из приведенных данных, в регионах СКФО, где отмечалась наиболее высокая терэмиграция, в 2011-2015 гг. социальное самоощущение молодежи значительно улучшалось. В Дагестане и Чечне ощущение социальной защищенности выросло на 34% и в 2 раза соответственно, порядка в регионе – на 27% и 77% соответственно, возможностей карьеры – на 25% и 45%. При этом выросла убежденность в том, что при поиске работы помогают не взятка и блат, а образование и профессиональные качества, хотя в начале периода распределение мнений было обратным. В сумме это означает,

⁴⁷Неформальная экономика в России выросла до рекордных размеров // РБК, 17 апреля 2017. Ср. *Кутаев Ш.К.* Теневая занятость как способ выживания // Российское предпринимательство, № 9-1 (97), 2007. С. 172-173.

⁴⁸*Джабраилов К.* Инвалиды и «инвалиды» в Дагестане // Московский Комсомолец (Дагестан), 18 декабря 2015; *Литвинова Т.Н.* Указ. Соч. С. 122.

что с точки зрения респондентов ситуация в регионе улучшается и у них есть основания смотреть в будущее, прежде всего профессиональное, с определенными надеждами.

*Таблица 7 – Оценки молодежью некоторых республик СКФО ситуации в обществе, трудовых перспектив и условий карьерного роста на 2011 и 2015 гг.*⁴⁹.

	Дагестан		Ингушетия		Кабардино-Балкария		Чечня	
	2015	2011	2015	2011	2015	2011	2015	2011
Социальная защищенность*	39	29	44	27	58	32	93	46
Порядок	37	29	56	34	54	36	94	53
Возможности для карьеры	40	32	40	35	47	24	61	42
Для трудоустройства нужны**: - образование и деловые качества	96	78	115	115	73	92	92	99
- взятка, связи, умение нравиться начальству	89	109	73	73	96	106	57	100

*Средний балл оценок респондентов от 0% (очень плохая ситуация) до 100% (очень хорошая).

**Сумма ответов за выбранную группу вариантов.

Таким образом, явление терэмиграции не отражает какого-либо ухудшения реальной социальной обстановки. Безусловно, ее уровень выше в регионах с высоким уровнем безработицы, но она является не бегством от бедности или отсутствия перспектив. Фактор безработицы или неуверенность в собственных силах и профессиональном будущем существенно повышают риск вербовки террористами. Однако стимулом здесь может быть не угроза нищеты, а скука и отсутствие планов на жизнь у части безработной или учащейся молодежи, которая заставляет примкнуть к экстремистским кружкам⁵⁰.

⁴⁹Молодежь Кавказа: традиции и современность. Пресс-выпуск № 3143 // Сайт Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения, 2017.

⁵⁰Гарунова Н. Н. Социальные проблемы как одна из причин радикализации молодежи на Северном Кавказе // Вестник Челябинского Государственного Университета, № 22 (351), 2014. С. 133.

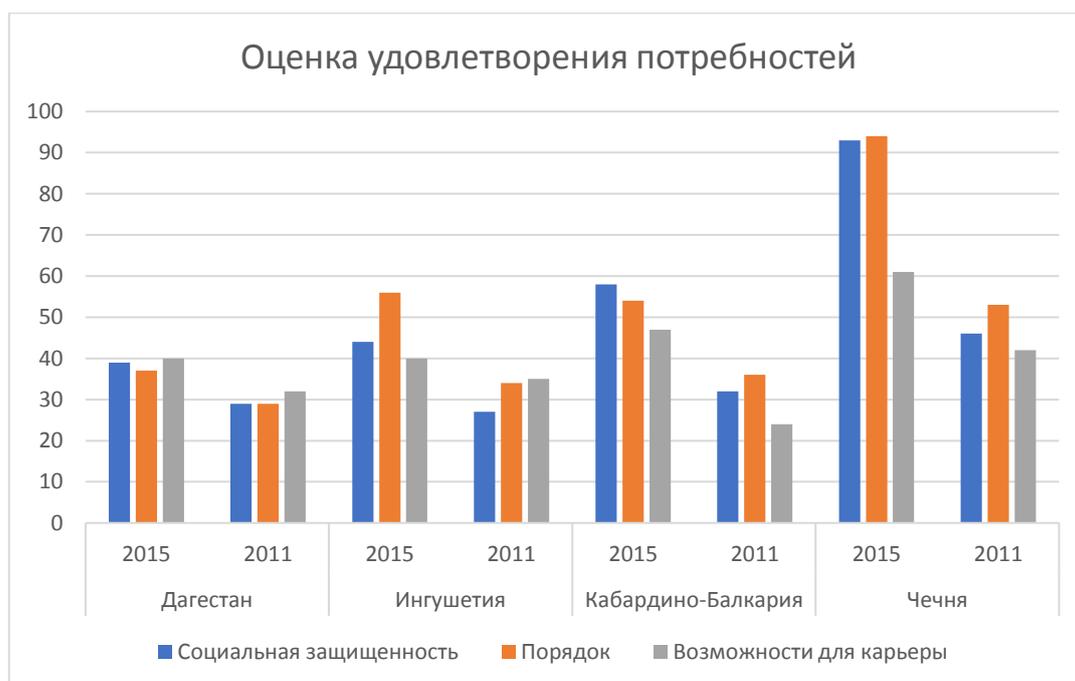

Рисунок 2 – Оценка удовлетворения потребностей молодежи СКФО на базе табл. 7.

Опросы социологов показывают, что это примерно соответствует восприятию участников терэмиграции жителями Дагестана. «С сел, с городов просто вербуют. Ну, это те, я считаю, что это те парни, которые не нашли себя. То есть если бы ты был увлечен чем-то серьезно, то тебя бы этот ИГИЛ вообще не беспокоил... То есть самые такие глупые люди, конечно, ведутся на все это. Ну, мы знаем, как это все делается, кто хорош, кто плох там. Народ для себя знает» – говорят респонденты⁵¹.

Зачастую можно выделить такой сценарий развития событий: выезд из сельской местности в город с целью учебы, неясные перспективы трудоустройства, отсутствие конкретных жизненных целей и планов. Религия здесь часто становится направлением для поиска ответов и формой досуга, так как в сельской местности мечеть часто является основным «социальным клубом». В результате в силу простой статистической вероятности часть молодежи попадает в экстремистские группы и подвергается индоктринации.

Следует подчеркнуть, что здесь неправильно говорить о реальном социальном тупике. В изученной нами выборке большинство учащихся или безработных молодых людей имели родителей с постоянным

⁵¹Васильева Н., Майборода М., Ясавеев И. «Почему уходят в ИГИЛ?». С. 61-63.

доходом или собственным хозяйством, что исключало угрозу ультимативной нищеты. В долгосрочной перспективе проблему занятости могла бы решать миграция в Центральную Россию или на Дальний Восток, куда гораздо легче добраться, чем в Сирию или Ирак.

Выбор в пользу социальной мобильности в рамках МТО для молодых людей из южных регионов часто определяется ситуативными факторами, социальной незрелостью, отсутствием систематических убеждений. При таком складе характера у человека могут отсутствовать какие-либо мотивы, сдерживающие радикализацию при соприкосновении с радикальной идеологией.

4.2 Социально-политические факторы

Наравне с реальными социально-экономическими проблемами толчком к радикализации или терэмиграции может служить конфликт человека с властями.

Наиболее часто корень возможных конфликтов радикалов с властями видят: в коррупции и избыточном полицейском прессинге против салафитов, характерном для Чечни и Дагестана.

Исследования уровня коррупции, охватывающие все регионы СКФО, на текущий момент нам неизвестны, однако существующие публикации, в целом, подтверждают высокий уровень коррупции на Кавказе. В частности, по данным Фонда «Общественное мнение», риск коррупционной ситуации (доля населения, попадавшего в такую) в Дагестане составляет 58%, в Северной Осетии и Ставропольском крае – 40%, при среднероссийском уровне – 28%⁵². Для прочих субъектов федерации в регионе – исследования не велись.

Не отрицая, естественно, негативную роль коррупции, мы должны понять, насколько общество нетерпимо к ней. Это может определяться разностью между риском коррупции и готовностью дать взятку. Отрицательный показатель означает предполагаемую долю населения, которое сталкивается с коррупционными ситуациями, но не готово к даче взятки и, соответственно, имеет причину для роста недовольства общей ситуацией взглядов. Указанный показатель для России в среднем составляет 21% (28% риска при 49% готовности),

⁵²Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации (на основании результатов социологического исследования, проведенного во втором полугодии 2010 г.). М.: Фонд Общественное Мнение, 2011. С. 33.

для Ставропольского края – 1%, для Москвы – 9%, для Северной Осетии – 15%, Краснодарский край – 14%, в Дагестане – 3%. Отрицательное сальдо – можно встретить в Липецкой (-14%) или Калининградской области (-10%)⁵³.

Приведенные данные показывают, что коррупция является проблемой для многих регионов, но южные области в среднем менее «терпимы» к ней, чем Россия в среднем. В Дагестане уровень «терпимости» к бытовой коррупции не высок, что связано с высокой частотой реальных коррупционных проявлений, но сальдо терпимости остается положительным и даже больше, чем в соседнем Ставропольском крае. Можно заключить, что риски радикализации населения из-за случаев бытовой коррупции в Дагестане выше, чем в среднем по России, но гораздо ниже, чем в Липецкой и Калининградской областях. Указанный факт заставляет сомневаться, что случаи коррупции являются реальным катализатором распространения радикальных настроений.

Перейдем к полицейским мерам. В числе возможных субъективных причин радикализации западные авторы называют практику дагестанского «профилактического учета» радикальных салафитов, имеющих связи с бандподпольем. По их мнению, МВД и ФСБ практикуют произвольную постановку на учет без ведома учитываемых лиц, осуществляют слишком назойливый контроль и сбор данных о «подучетных», практикуют их немотивированные задержания, чем провоцируют агрессию и радикализацию салафитов⁵⁴.

Проблемой является то, что этот взгляд во многом повторяет мифологию дагестанских ваххабитов в 1990-е гг., согласно которой их радикализация была следствием преследований со стороны представителей традиционного ислама и государства.

Фактически этот взгляд ничем не подтвержден. По опубликованным данным дагестанского МВД, к началу 2016 года на «профучете» в республике состояло 20,5 тыс. человек, включая больных алкоголизмом, наркоманией и ранее судимых за уголовные преступления⁵⁵. Согласно опубликованной справке СПЧ РФ, в Махачкале на тот момент

⁵³ Там же.

⁵⁴ Джихад на экспорт? С. 20-25; Проценко Н. Профучет с поражением в правах // Кавполит, 31 мая 2016.

⁵⁵ Отчет Министра внутренних дел по Республике Дагестан Магомедова А.М. Народному Собранию Республики Дагестан о деятельности Министерства внутренних дел по Республике Дагестан за 2015 год // Черновик, 24 мая 2016.

на учете состояло 5903 человека, из которых 2776 – религиозные экстремисты⁵⁶. При экстраполяции этой пропорции на всю республику – речь примерно о 9600 религиозных экстремистах, состоящих на учете.

Из материалов судебных исков, обжалующих постановку на профилактический учет в республиках СКФО, можно заключить, что проблемы «профучета» частично преувеличены прессой. Так, ни в одном из изученных дел в ходе прений не оглашались доказательства избыточных полицейских мер против фигурантов, каковые обычно подтверждались только заявлениями истцов, но сторонними свидетельствами или уликами.

Кроме того, процедура постановки на учет исключает скрытность от учитываемого лица, так как процедура предусматривает взятие с него письменного объяснения. Учету обычно предшествует судимость за преступления экстремистского или террористического характера, а также сбор обширного фактического материала на фигуранта. Например, один из судебных приговоров приводит данные из полицейского рапорта, что фигурант «пропагандирует нетрадиционный ислам, его периодически посещает Кебедов Хабиб, ранее судимый по ст.131 и 126 УК РФ, и ФИО8 (оба состоят на профилактическом учете), и они обсуждают о джихаде, о необходимости создания исламского государства и установлении шариатских законов. ФИО2 на этот путь привлек родной дядя Эмеев Ахмед, ранее судимый по ст.ст. 208, 222 УК РФ и также состоящий на профилактическом учете»⁵⁷.

Справка СПЧ упоминает некоторые случаи необоснованной постановки на учет или избыточных мер против подучетных (частые допросы, наружное наблюдение, немотивированные задержания) – однако нет оснований полагать такую практику массовой. В местных органах правопорядка убеждены, что на учет в подавляющем большинстве случаев попадают лица, реально имеющие тесные связи с террористами и подлежащие особому вниманию со стороны властей⁵⁸.

Если вернуться к оценке общественных настроений по данным соцопросов, то мы можем заметить, что уровень защищенности личных прав и свобод в СКФО рос в течение последних лет.

⁵⁶Текст опубликован в рамках материала: «Справка для Володина» // Кавполит, 25 июля 2016.

⁵⁷Решение № 2-132/2015 2-132/2015~М-116/2015 М-116/2015 Казбековского районного суда от 13 мая 2015 г. (Опубликовано в рамках базы данных судебных приговоров в интернете).

⁵⁸Интервью с бывшим сотрудником ФСБ Дагестана, февраль 2017.

Таблица 8 – Ответы на вопрос «Как Вы считаете, насколько защищены Ваши личные права?» в 2011 и 2015 гг. в некоторых регионах СКФО⁵⁹.

	Дагестан		Ингушетия		Кабардино-Балкария		Чечня	
	2015	2011	2015	2011	2015	2011	2015	2011
Защищены	55	33	69	35	70	36	92	68
Незащищены	41	62	31	52	29	62	6	29
Нет ответа	4	5	-	13	1	2	2	3

Как видно из приведенных данных, в период роста эффективности антитеррористических мер ощущение личной защищенности в молодежи СКФО значительно выросло, в большинстве случаев в полтора-два раза. Причем наиболее позитивные результаты показывала именно Чечня, где антитеррористические меры МВД и ФСБ наиболее активны (92% – наиболее высокий показатель защищенности прав в регионе). Таким образом, нет никаких признаков того, что полицейские меры властей ухудшают ощущение самозащищенности у молодежи.

Рисунок 3 – Ощущение защищенности у молодежи СКФО.

⁵⁹Молодежь Кавказа: традиции и современность. Пресс-выпуск № 3143 // Сайт Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения, 2017.

Если вернуться к теме об эффективности текущей системы «профучета» в Дагестане и Чечне, необходимо признать, что даже наличие сколь-либо заметного случая необоснованной постановки на учет не может объяснить установку на терэмиграцию.

Сталкиваясь с неудобствами из-за избыточного внимания властей, средний человек решит переехать в другой регион. По мнению самих местных активистов, система работы с подучетными более «мягка» даже в соседних республиках. Если пострадавший по каким-то причинам проникся ненавистью к самой государственной системе России и хочет ее покинуть, то, опять-таки, более простой реакцией может служить эмиграция в соседние республики Южного Кавказа или Украину, до которых путь ближе. Например, дорога от Махачкалы до Тбилиси автотранспортом занимает менее 10 часов.

Очевидно, что эти варианты реакции менее затратны и менее опасны для жизни, чем отъезд в горячие точки.

В случае установки на борьбу против действующей власти идея присоединиться к террористам, мягко говоря, – неочевидный выбор. На Северном Кавказе существует легальная политическая жизнь. В одном только Дагестане, по данным региональной ЦИК, в 2014 году было зарегистрированы отделения 60 политических партий⁶⁰. По состоянию на 2015 год в ходе выборов заксобраний СКФО кандидатов выдвинули 32 партии, представленные в регионе, в числе которых и парламентские (КПРФ, ЛДПР), но внепарламентские партии (РПР-ПАРНАС, Яблоко). Причем, по данным политологов, оппозиционные организации действовали достаточно активно⁶¹.

Несмотря на наличие в регионе институтов, в которых могло бы канализироваться недовольство властями, нет ни одного примера попыток терэмигрантов участвовать в легальной политической жизни до отъезда. Ни членства в партиях, ни участия в протестных акциях против действий полиции, ни даже политической активности в интернете, не связанной с салафизмом. Таким образом, здесь нет никаких следов политического поиска, который приводил бы к терроризму – всю «ди-станцию» экстремисты в большинстве проходят без остановок.

⁶⁰Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» в Республике Дагестан. по состоянию на 01 апреля 2014 года // Избирком Дагестана, 23 апреля 2014.

⁶¹Косов Г. ФоРГО о региональных выборах в СКФО в 2015 году // СКФО, 24 августа 2015.

Логично предположить, что, если избыточный полицейский прессинг кого-то толкает к терэмиграции, то уезжающие изначально были расположены к экстремистским и террористическим идеям. Более того, внимание властей может мешать не обычной жизни, а как раз террористическим планам.

Так, один из радикалов, уехавших из Дагестана в Сирию в 2013 году, рассказывал в интервью западному изданию: «Тогда у меня были друзья с общими интересами, пара человек. Хотели присоединиться, помогать тем, кто воевал на Кавказе. Но спецслужбы российские эффективно работают. Мы искали возможность связаться с теми, кто воевал на Кавказе, но не нашли. Решили, что нельзя сидеть, надо что-то делать. Если не можем у себя – поедem в Сирию. Я думаю, что многие так и рассуждали»⁶².

4.3 Религиозно-идеологические факторы

Не вызывает сомнений, что такой средой являются салафитские общины региона, исповедующие фундаменталистское течение ислама и стремящиеся к построению общественно-государственных отношений на основе шариата. В Дагестане и Чечне традиционно велика концентрация подобного рода сообществ.

В их рамках исследователи выделяют два течения: радикальное, допускающее насильственный захват власти, и умеренное, декларирующее приход к шариату через изменение убеждений общества. Региональные эксперты полагают, что, по сути, обе фракции салафитов в Чечне и Дагестане имеют общую идеологию, а различаются лишь по вопросам тактики достижения поставленных целей⁶³.

Многие воспринимают эти общины как «прихожую джихада», аналогичную запрещенным в России организациям «Хизб ут-Тахрир» и «Таблиги Джамаат»⁶⁴. Эти группировки не имеют собственных боевых отрядов в горячих точках, однако пропагандируют экстремистские

⁶²«Я вынес им такфир» // Кавказ. Реалии, 6 июля 2017.

⁶³Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. С. 29; Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2006.

⁶⁴Сулейманов Р. Р. Хизб ут-Тахрир в Татарстане: идеология, структура организации, деятельность // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб., 2013; Комиссина И.

концепции на основе ислама и зачастую становятся средой, через которую радикалы попадают в ряды МТО. Как упоминалось выше, у «умеренных» и «радикалов» различаются лишь тактические подходы, которые могут изменяться значительно легче, нежели фундаментальные убеждения.

Существуют дискуссии о наличии в России салафитских и квазисалафитских мусульманских общин в XIX- начале XX вв., однако в современном виде салафизм проник в Россию только в 1989-1991 гг. В условиях социально-экономического кризиса и распада советской идеологической системы в страну проникли ряд религиозных фондов из Саудовской Аравии. Они занимались завозом в страну салафитской литературы, оказывали финансовую поддержку некоторым общинам, организовывали поездки мусульманской молодежи в учебные заведения радикального толка, где будущие богословы проходили идеологическую обработку. Производился также подкуп местных священнослужителей. Счет сумм выделенных саудовской стороной на эти цели, шел на сотни миллионов долларов⁶⁵.

В условиях Кавказа саудовское влияние дополнялось проникновением радикальных миссионеров-иорданцев из организации «Братья-мусульмане», которые на месте открывали религиозные курсы салафитского толка⁶⁶.

Распространение радикальных идей определяла отправка иностранными спонсорами денежных средств, учителей-богословов, в случае Чечни 1994-1999 гг. – активная поддержка сепаратистов в войне против федеральных войск. Кроме того, на начальном этапе возрождения религиозности на Северном Кавказе ученики радикальных зарубежных богословов имели лучшую теоретическую подготовку и могли успешно соперничать в полемике с представителями традиционного ислама⁶⁷.

В дагестанском и чеченском салафизме изначально доминировали радикальные течения, настаивавшие на вооруженной конфрон-

Н. Движение Таблиги Джамаат: теория и практика радикализма // Проблемы Национальной Стратегии, №1(6), 2011.

⁶⁵*Силантьев Р. А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М.: «Рема», 2010. С. 271-272, 281-284.*

⁶⁶*Мантаев А. А. Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане. Автореферат диссертации кандидата политических наук: 23.00.02. М.: Дипломатическая Академия МИД РФ, 2002. С. 121, 125-126.*

⁶⁷*Курбанов Х. Т. Указ. Соч.; Мантаев А. А. Указ. Соч. С. 112.*

тации с государством и силовом насаждении салафизма в регионе. На подобных идеях настаивали такие ключевые в формировании регионального салафизма идеологи, как Багаутдин Кебедов-Дагестани и Ангут Омаров-Астраханский. Оба выступали последовательными сторонниками терроризма на Кавказе, Кебедов был одним из основных организаторов вторжения боевиков в Дагестан в 1999 году. Более умеренное течение под руководством А.-К. Ахтаева распалось после его смерти в 1998 году, и многие его последователи примкнули к радикалам⁶⁸.

Из Дагестана и Чечни экстремистские группировки проникли в ряд других регионов, включая Ингушетию, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Астраханскую область. Один из «джамаатов» был создан даже в татарском селении Белозерье (Мордовия). Там экстремисты смогли создать довольно прочную базу, что привело к отъезду нескольких десятков белозерских радикалов в горячие точки. Некоторые общины, такие как «карачаевский джамаат», изначально придерживались умеренной идеологии, но позже перешли под контроль сторонников терроризма⁶⁹.

Попытки некоторых западных авторов⁷⁰ объяснить радикализацию кавказских салафитов конфликтами с религиозным большинством и правоохранительными органами – не состоятельны. Первые публичные выступления лидеров салафитов, призывающие к вооруженному насилию, относятся к 1995 году, когда какая-либо конфронтация религиозного большинства с ними отсутствовала. К 1998 году на территории Чечни уже были сформированы вооруженные отряды и даже «генеральный штаб» салафитской «армии»⁷¹. По оценкам радикальных авторов того периода, правоохранительным органам было известно менее трети от фактической численности радикалов, что исключало какой-либо административный прессинг.

Между тем, в предвоенный период власти Дагестана, наоборот, брали курс на примирение с салафитами. С представителями радикальной общины салафитов в селении Карамахи и Чабанмахи, располагав-

⁶⁸Мантаев А. А. Указ. Соч. С. 116-117.

⁶⁹Силантьев Р. А. Мусульманская дипломатия в России. С. 285-289; Мальцев В. Мордовский «халифат» // Независимая Газета, 1 апреля 2015.

⁷⁰Джихад на экспорт? С. 20-25.

⁷¹Мантаев А. А. Указ. Соч. С. 126-127, 146. Автор цитируемой работы, представитель радикального салафизма и член террористической организации, стремящийся дать максимально благоприятную для экстремистов картину событий, не отрицает этих фактов.

шими арсеналом оружия и поддерживавшими связи с чеченскими боевиками под руководством полевого командира Хаттаба, был подписан своего рода мирный договор. В Москве курс на примирение с салафизмом защищал глава МВД и будущий премьер Сергей Степашин⁷².

Аналогичные попытки политического диалога с салафитской общиной предпринимались в 2010-е годы, но были неудачны. В 2011-2013 гг. в Дагестане салафиты были представлены республиканской общественной палате, Комиссии при президенте Дагестана по адаптации к мирной жизни бывших боевиков. Между ними и Духовным управлением Дагестана начался диалог, была принята соответствующая резолюция. Однако попытки лидеров общины реинтегрироваться в дагестанское общество не были поддержаны «общиной и особенно ее самой молодой частью», как оценивают ситуацию авторы либеральной направленности⁷³.

Вопрос о перспективах диалога представителей традиционного ислама с салафитами пока не решен окончательно. В последние годы набирает силу радикальный подход, подразумевающий отказ от сотрудничества и курс на запрет салафизма в России. На это указывает фетва, принятая в ходе Всемирной конференции мусульманских ученых «Кто они, люди Сунны?» (Ахлюс Сунна валь Джамаа), проведенной в Грозном в августе 2016 года. Документ, принятый при участии российских и зарубежных богословов, осуждает «ваххабизм» и «салафизм» наравне с идеологией ДАИШ. Также участники конференции приняли обращение к властям России с предложением приравнять эти религиозные течения к нацизму и запретить⁷⁴. Но, например, в мусульманском сообществе Ингушетии все еще продолжается интеграция сторонников салафизма в республиканскую религиозную жизнь⁷⁵.

⁷²Михайлов А. Г. Портрет министра в контексте смутного времени: Сергей Степашин. М.: Олма-пресс, 2001. С. 25-26, 39-41. Мантаев полагал, что указанный курс был результатом этнической близости руководства республики с лидерами салафитов и желание использовать их против региональной оппозиции (Указ. Соч. С. 82).

⁷³Юсуфов Т. Салафиты Дагестана упустили свой исторический шанс // On Kavkaz, 8 декабря 2015.

⁷⁴Обращение участников Всемирной конференции мусульманских ученых «Кто они, люди Сунны?» (Ахлюс Сунна валь Джамаа), прошедшей в г. Грозный 25-27 августа 2016 г, к Президенту России В. В. Путину, к Правительству России, к членам Государственной Думы и Совета Федерации Государственного Собрания России. С. 2; Фетва о неотъемлемых отличиях истинного Ислама от заблуждений. Грозный 25-27 августа 2016 года. С. 3-4.

⁷⁵170 лет единобожия. Суфии и салафиты Ингушетии вместе отмечают юбилей принятия ислама // Ислам-Ньюз, 16 июля 2017.

Мы не беремся высказывать категоричных суждений относительно уровня поддержки террористов в салафитских общинах. Известно, что минимум одна из них, связанная с мечетью на улице Венгерских бойцов в Махачкале, выпустила заявление, осуждающее ДАИШ и своих участников, присоединившихся к этой террористической организации⁷⁶. При этом несомненно наличие проблемы вербовки террористами представителей салафитской молодежи республики со стороны активистов общин и даже представителей духовенства. Порой даже салафиты, осуждающие ДАИШ, являются сторонниками другой террористической организации Сирии, «Фронта Ан-Нусра», например, сторонники радикального проповедника Абу-Мухаммада аль-Макдиси⁷⁷.

5. Террористическая эмиграция из других регионов России

На долю регионов вне СКФО приходится около 40% террористической эмиграции из России. Поскольку социально-психологическая ситуация «эмигрантов» достаточно сильно отличается от характерной для Кавказа, им необходимо посвятить отдельную главу. Сколь-либо заметная инфраструктура радикальных салафитских организаций возникла в 1990-2000-е гг. в Татарстане, Башкортостане, Астраханской области, а также в Мордовии (ранее упоминавшееся село Белозерье).

Первые салафитские общины появляются в 1989-1993 гг под влиянием садовских религиозно-гуманитарных фондов. Наиболее активно радикальные идеи распространялись в Татарстане. В местных условиях вторым фактором распространения экстремизма стали активисты движения «Хизб ут-Тахрир» из выехавших из узбекской части Ферганской долины после жесткой ликвидации республиканскими властями радикальных исламистских организаций.

Активность этой группировки на Кавказе практически отсутствовала, что, видимо, отражает разделение сфер влияния между радикалами. Несмотря на разные институты близость идеологии

⁷⁶Дагестанские салафиты дали оценку ИГИЛ // Ислам-Ньюз, 18 декабря 2015; «Позиция ученых этой уммы относительно группировки ИГ или ДАИШ» // Джума Мечеть на Омара (Фейсбук-аккаунт), 16 декабря 2015.

⁷⁷Роцин М. Не все салафиты за ДАИШ // Кавказский Узел, 13 декабря 2015.

создавала основу для сотрудничества. В частности, в 1990-е гг. учащиеся радикального медресе «Йолдыз» (Набережные Челны) отправлялись на Кавказ и участвовали в террористической деятельности⁷⁸.

Терроризм развивался в Поволжье по схеме, близкой к Кавказу, но в гораздо меньших масштабах. Уровень терэмиграции в регионе составляет около 0,1-0,2, что на порядок ниже, чем в наиболее проблемных республиках СКФО. Первые волны миграции радикалов были зафиксированы в 1990-е гг. в Чечне, где они присоединялись к бандам сепаратистов. В 2000-е терэмигранты из региона в Афганистане создали организацию «Джамаат Булгар», сражавшуюся на стороне талибов. К 2010-м относится интерес местных радикалов к ИГИЛ и событиям в Сирии и Ираке.

В 2000-е, после разгрома основных сил экстремистов в Чечне, на короткое время регион, в особенности Татарстан, стал точкой притяжения разыскиваемых радикалов с Кавказа, что способствовало росту террористических настроений в регионе. Регион столкнулся с двумя волнами внутреннего терроризма 2003-2005 и 2012-2013 гг., в которые входили теракты против объектов инфраструктуры и убийства религиозных деятелей традиционного ислама. В 2010 году в Башкортостане действовала группа Н. Шаймухаметова, совершавшая попытки терактов в регионе.

В 2013 году на фоне подготовки к проведению Универсиады в Казани в регионе усилилась борьба с религиозными экстремистами, что привело к значительному сокращению активности местного бандподполья⁷⁹. Часть радикалов покинула регион, среди них известный вербовщик ИГИЛ А. Саматов.

На текущий момент уровень террористической угрозы в Поволжье, видимо, близок к среднему для России, а основная часть террористически настроенных лиц – арестована, ликвидирована или выехала за его пределы. При этом, судя по сообщениям СМИ, профилактика терроризма все еще остается актуальной проблемой.

⁷⁸Силантьев Р. А. Мусульманская дипломатия в России. С. 290, 292.

⁷⁹Об истории местного бандподполья см. Сулейманов Р. Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей, 25 июля 2012; Сулейманов Р. Р. Мусульмане Поволжья в рядах Талибана и ИГИЛ: масштаб проблемы, механизм вербовки, последствия // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015.

Среди прочих стоит задача удаления их сторонников из рядов республиканского духовенства⁸⁰.

Практика показала, что мусульманское население Поволжья менее восприимчиво к радикальным и террористическим идеям, а потенциал создаваемых в регионе экстремистских организаций более слаб, чем на Кавказе. Здесь сказывается комплекс факторов: более низкий уровень безработицы, отсутствие в непосредственной близости районов под контролем боевиков в 1990-е гг., большее присутствие немусульманского населения и опыт межрелигиозной коммуникации среди местных жителей.

Дать универсальное описание основных «групп риска», которые могут быть вовлечены в терэмиграцию, для всех регионов страны – очень сложно. Однако на основе явно типичных или повторяющихся ситуаций мы попытаемся наметить некие наиболее типичные критерии. Следует подчеркнуть, что речь идет не о коллективной вине тех или иных социальных групп, а лишь о выявлении сред, где вербовщики террористов сейчас наиболее активны и успешны.

5.1 Трудовые мигранты из стран Центральной Азии.

Как отмечалось выше, все большую роль в российском бандподполье начинают играть трудовые мигранты из стран Центральной Азии, прежде всего доноров рабочей силы – Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Проблема терэмиграции из региона заслуживает отдельного изучения, поэтому здесь мы охарактеризуем лишь наиболее важные моменты.

По имеющимся данным, более 50% терэмигрантов из Кыргызстана и до 80% – из Таджикистана подвергались вербовке и/или индоктринации на территории России, куда уехали на заработки⁸¹. Установлено, что значительная часть завербованных впервые столкнулась с идеями экстремизма на родине при контактах с активистами организаций «Хизб ут-Тахрир», «Таблиги Джамаат» и в некоторых случаях «Братья-мусульмане» при местных мечетях. Иногда вербовку на

⁸⁰Постнов Г. В Татарстане бюрократы становятся грозой ваххабитов // Независимая Газета, 18 марта 2016.

⁸¹Дронзина Т., Дубанаев Б. Кыргызстанские боевики в зарубежных террористических организациях. Без места издания, 2015. С. 4. (Экземпляр доклада находится в личном архиве автора); Генпрокуратура: 90% таджикских боевиков завербовано в ИГИЛ по интернету // Озоди, 12 октября 2016.

местах ведут непосредственно эмиссары международных террористических организаций «Исламское Движение Узбекистана», «Джамаат Ансаруллох», «Джебхат ан-Нусра». Но окончательное решение об отъезде в Сирию и Ирак принимали уже в процессе трудовой эмиграции, находясь вне досягаемости близких родственников.

Усредненный терэмигрант из региона – мужчина 18-35 лет, часто женатый и имеющий детей, уроженец села или рабочего поселка, уехавший на заработки в Россию. К регионам, где наиболее высок уровень терэмиграции уроженцев, относятся:

- В Таджикистане: Хатлонская (особенно джамоат «20-летие независимости») и Согдийская области (н.п. Чоркишлок);
- В Кыргызстане – районы компактного проживания узбекского меньшинства (махалы) Ошской, Баткенской и Джалал-Абадской областей, а также некоторые н.п. Иссык-Кульской области;
- В Узбекистане – сельские районы Наманганской (особенно Мингбулакский район) и Хорезмской областей, а также некоторые н.п. Ташкентской области.

Для данной категории терэмигрантов можно проследить некоторые объективные предпосылки к радикализации – экономические проблемы из-за сокращения емкости рынка труда в России в 2014-2016 гг. и социально-бытовые трудности трудовой миграции. По свидетельствам сотрудников местных спецслужб, в первых «волнах» терэмиграции было много неимущих, безработных людей⁸². Но в период 2015-2017 гг. в большинстве известных случаев⁸³ ультимативные экономические проблемы не прослеживались. В подавляющем большинстве терэмигранты имели постоянную работу, могли рассчитывать на поддержку родных, некоторые даже имели достаток выше среднего. В некоторых случаях в террористические группировки вовлекались лица, получившие в России гражданство, работу и постоянное жилье.

В результате мы имеем дело с сильным изменением социального портрета бандподполья в стране в последнее время. Все чаще ядром террористических ячеек в разных регионах выступают не уроженцы России, а выходцы из ближнего зарубежья, в т.ч. трудовые мигранты

⁸²Интервью с бывшим сотрудником ГКНБ Кыргызстана в июле 2017 года.

⁸³Мной и Т. Дронзиной изучено в общей сложности 47 биографий терэмигрантов из Кыргызстана и Таджикистана.

или маскирующиеся под таковых⁸⁴. Появилась информация, что даже в Ингушетии, где в прошлом было местное активное бандподполье, в вербовке боевиков начинают играть заметную роль нелегальные мигранты⁸⁵.

Особую опасность данная категория терэмигрантов представляет в связи с тем, что не только использует Россию в качестве территории транзита в Турцию и Сирию, но создает постоянно действующие подпольные организации непосредственно в стране. Они уже ведут централизованную вербовку сторонников среди не только трудовых мигрантов, но и коренного населения. Например, эмиссарами ИДУ в Новом Уренгое (Ямало-Ненецкий Автономный Округ) на базе местной мечети велась экстремистская пропаганда, а членам организации даже удалось занять руководящие посты в общине⁸⁶.

Уже есть примеры подготовки и осуществления терактов группами из числа мигрантов. Например, группировка «Таухид валь Джихад», ответственная за теракт в метро Петербурга весной 2017 года, была создана уроженцами юга Кыргызстана, а также Таджикистана и Узбекистана. Ее лидер – С. Мухтаров, бывший помощник имама в мечети Кара-Суу (Ошская область), скрывающийся сейчас в Сирии. Он проникся идеями группировки «Хизб ут-Тахрир» от имама мечети «Ас-Сарахсий» Р. Камалова (осужден за пропаганду экстремизма в 2015 году), а позже создал собственную террористическую организацию⁸⁷. Через религиозные, земляческие и родственные связи он вовлек в нее по меньшей мере несколько десятков человек, включая исполнителя петербургского теракта, уроженца г. Ош А. Джалилова. На территории России в деятельности подпольной сети участвовало не менее 11 человек в Петербурге и Москве⁸⁸.

⁸⁴ФСБ: мигранты составляют основной костяк террористических групп в РФ // Известия, 11 апреля 2017.

⁸⁵В Ингушетии начались массовые рейды по выявлению мигрантов-нелегалов // Ингушетия (Гялгялайче), 27 января 2017.

⁸⁶Заявление прокуратуры ЯНАО о ликвидации религиозной в организации «Нур Ислам» ДУМ Азиатской части России. Т/ф 4-22-50, 13.04.2011, №8-1127-11.

⁸⁷Кыргызстан: хрупкость государства и радикализация Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 83, 3 октября 2016 г. Брюссель: Международная Кризисная Группа, 2016. С. 17; Солопов М., Петелин Г., Затари А. Ошский джихад пришел из Сирии // Газета.ру, 25 апреля 2017.

⁸⁸Всем фигурантам дела о теракте в Санкт-Петербурге предъявили обвинения // РИА Новости, 18 мая 2017.

5.2 «Идейные экстремисты»

К этой условной группе мы относим лиц, завербованных в экстремистские группировки еще в 1990-е гг и потомков, молодежь 2000-х гг рождения, воспитанную под сильным влиянием радикальных идей родителей.

Чаще всего это люди, которые были вовлечены в жизнь радикальных общин, но по какой-то причине не были вовлечены в террористическую деятельность, не подвергались аресту или уже отбыли наказания за совершенные преступления. Примеры подобных судеб можно чаще всего встретить на Северном Кавказе, однако они также возможны в условиях Татарстана, Башкортостана, Астрахани и некоторых салафитских анклавов вне этих субъектов федерации.

Обычно мотивы этих лиц наиболее идеологизированы. В виду описанной выше типичной биографии экстремизм стал органичной частью их мировоззрения в том числе в силу воспитания. Жизнь в обществе, не разделяющем их идеи, – невыносима для глубоко убежденных экстремистов, поэтому отъезд в горячую точку превращается в сильную внутреннюю потребность – жить в окружении, которое разделяет и понимает их жизненные цели.

В последние годы к этой категории присоединяются уже неисламские молодые радикалы, которые не находят политического понимания в российском обществе и оказываются в рядах террористов в поиске путей самоактуализации. Обычно это выходцы из немусульманских семей, исповедующие те или иные экстремистские идеи и не принимающие современное общество и государство. Здесь происходит своего рода «исламизация радикализма», вместо радикализации ислама⁸⁹ экстремисты разных направлений выбирают в качестве новой идеологии исламизм ИГИЛ.

Как ни странно, чаще всего это лица, ранее увлекавшиеся неофашистскими идеями, а затем попытавшиеся реализовать свою склонность к насилию и ненависть к российскому государству в рядах радикальных исламистов⁹⁰. Примером может служить банда «приморских партизан», ликвидированная в 2010 году из числа дальневосточных

⁸⁹Известное определение французского ученого Оливье Руа: «Терроризм возникает не из радикализации ислама, а из исламизации радикализма» (Roy O. Who are the new jihadists // The Guardian, April 13, 2017).

⁹⁰Мальцев В. Арийский джихад // Лента, 22 февраля 2016.

радикальных националистов. Ее участники совершали нападения на полицейских и планировали уехать в горячую точку, чтобы сражаться на стороне боевиков⁹¹.

В последние годы такие примеры тоже встречаются. Например, М. Байдак, известный пропагандист религиозного экстремизма, скрывающийся в Сирии, в конце 2000-х был одним из лидеров неонацистского сообщества Санкт-Петербурга. Терэмигрант из Ямало-Ненецкого округа А. Землянка также увлекался фашистской идеологией и «скинхед-эстетикой», а при знакомстве с широкой известной В. Карауловой вербовщик ИГИЛ маскировался под футбольного болельщика-националиста⁹².

Такая трансформация идей неонацизма и нацизма произошла из-за осознания конфликта с обществом 2006-2007 гг. В указанный период власти России занялись решением социальных проблем, связанных с неконтролируемой трудовой миграцией, что оттолкнуло от националистического движения основную массу симпатизантов. Оставшиеся без общественной поддержки идейные сторонники расовых теорий либо разочаровывались в идеях и заявляли об уходе из политики (как бывший блогер-националист и журналист В. Мальцев⁹³), либо переходили к идеям террора против общества. Агитационные материалы националистов тех лет пестрят ненавистью к социальному большинству, отвергающему их идеи, которому отказывается в «полноценности» и праве на жизнь⁹⁴.

Не исключен приход к исламистскому терроризму и из других сегментов политического спектра. В 2017-м было опубликовано также интервью боевика из Калуги, который пришел к идеям терроризма после неудачного опыта участия в анархо-синдикалистском движении. В интервью русскоязычному изданию террорист заявлял, что увидел в хаосе исламистских банд без единого руководства свой идеал общества⁹⁵.

⁹¹«Приморский партизан» призвал россиян к исламу // Известия, 23 ноября 2012. См. также любительскую видеосъемку боевиков в период подготовки преступлений: Приморские партизаны в разрезе // Блог roman_n, 9 октября 2010.

⁹²Одноклассник Джихади-Толика рассказал об увлечениях палача // Лента.ру, 7 декабря 2015; «Основная идея была выйти замуж за мусульманина» // Газета.ру, 17 ноября 2016; Мальцев В. В терактах в Стамбуле всплыл след «русскоязычных мухаджиров» // Лайф, 8 июля 2016.

⁹³Пост // Блог white-patriot, 19 мая 2008; Белый колонизатор // Блог white-patriot, 30 сентября 2008.

⁹⁴Беликов С. В. Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. С. 72-73.

⁹⁵Из Калуги с джихадом // The New Times, 13 марта 2017.

В каждом из случаев прослеживается последовательное развитие идей и устремлений: принятие той или иной радикальной идеологии – осознание отторжение ее обществом и государством – формирование ненависти к строю и социальному большинству – поиск путей воплощения своих идей – терэмиграция. Материальное благополучие для этой категории людей не является стабилизирующим фактором. Большинство из терэмигрантов данной категории имели работу, в т.ч. высококвалифицированную, жилье, часть – постоянно хобби неполитического толка.

В большинстве случаев такие люди попадают в террористическую среду в индивидуальном порядке, найдя в сети радикальные сайты и вступив в контакт с их держателями. Изначально экстремисты могут не иметь сформированных джихадистских взглядов или религиозных убеждений, а приходят к террористам в результате долгого и хаотичного идейного и сетевого поиска⁹⁶.

5.3 Молодые уроженцы регионов Северного Кавказа

Молодые уроженцы регионов Северного Кавказа, выехавшие с родителями в другие регионы России и завербованные через социальные сети экстремистами. В «группе риска» находятся молодые уроженцы Чечни и, в меньшей мере, Дагестана и Ингушетии, которых ищут с целью вербовки в социальных сетях террористы из числа их соотечественников. Вербовщики пытаются установить контакт с помощью апелляций к национализму и общим религиозным корням.

Есть свидетельства, что проблема вербовки по национальному признаку уже приводит к разрушению традиционных этнических связей на чужбине. Один из чеченских публицистов пишет: «...Бывая вне пределов Чеченской Республики, я вижу, что многие чеченцы не только не подходят друг другу, встречаясь на чужбине, но и даже пытаются избегать своих земляков. И я сам уже не проявляю такой любезности, как раньше, боясь повстречать какого-нибудь экстремиста или человека с иными взглядами на жизнь, чем у меня»⁹⁷.

Нам известны биографии 3 терэмигрантов данной категории, и ни в одной нет признаков каких-либо социальных предпосылок для

⁹⁶Амелина Я. А. Российские «игиловцы»: идеологический вакуум. С. 171.

⁹⁷Открытое письмо-обращение к национальной интеллигенции, ко всем здравомыслящим чеченцам и просто заинтересованным лицам // Блог Ислама Сайдаева, 28 июля 2017.

экстремизма. Все были выходцами из семей среднего или состоятельного класса, имели постоянные места учебы и работы, у одного из завербованных – были перспективы спортивной карьеры. Только у одного человека перед отъездом был отмечен конфликт с родителями из-за матримониальных планов, однако его серьезность – неясна. Нет сведений, чтобы кто-либо из этих терэмигрантов имел конфликты по месту жительства, сталкивался с проявлениями национальной или религиозной дискриминации.

Можно заключить, что здесь, как и во многих случаях вербовки, причиной согласия становится отсутствие внятных целей в жизни, духовная пустота, возможные проблемы в общении.

5.4 Терэмиграция по субъективным причинам

Разумеется, причины радикализации и террористической эмиграции каждого отдельного человека – являются частными и субъективными. Отдельные случаи могут быть даже откровенно экзотическими.

Яркий пример – попытка присоединиться к ИГИЛ двух представителей сексуальных меньшинств с Камчатки, чье путешествие, к счастью, закончилось в местной психиатрической больнице после неудачной попытки суицида⁹⁸. Мотивы этой несостоявшейся терэмиграции, вероятно, сложны и нетривиальны, но их подробный анализ явно интересен только лечащему врачу указанных лиц.

В обобщенном виде причина каждого случая терэмиграции – в том, что человек сталкивается с какой-то ситуацией, к которой не может адаптироваться или внутренне с ней смириться. В этом случае уход к террористам может быть, как упоминалось выше, формой гиперреакции бегства или сублимацией аутоагрессии. Драма радикала может носить объективный или субъективный характер: потеря близкого человека, экономические проблемы, несчастная любовь, отсутствие карьерных и жизненных перспектив.

Во многом классический пример казахстанского футболиста А. Губайдуллина, капитана клуба «Акжайык» (г. Уральск, Казахстан). Из-за хулиганского нападения и ранения в живот он потерял почку и

⁹⁸На Камчатке «боевых транссексуалов» ИГИЛ определили в психдиспансер // Аргументы и Факты (Камчатка), 23 июня 2015.

вынужден был оставить профессиональный спорт в 23 года⁹⁹. Через несколько лет он разорвал старые контакты и покинул страну, позже оказавшись в Сирии. Очевидно, что потеря любимого дела, старых социальных связей, болезнь и вероятное озлобление стали почвой для радикализации и последующего отъезда для участия в войне.

В других случаях невозможно выделить какое-то конкретное событие, которое бы травмировало и толкнуло к радикализации терэмигранта. «Радикализация – это процесс, состоящий из множества мелких эпизодов, происшествий, случаев несправедливости, унижений достоинства. Такие эпизоды складываются в мозаичную картину мира, и в какой-то момент человек решает, что не может ее принять и хочет объявить ей войну»¹⁰⁰ – заявил в интервью с иностранными исследователями один из дагестанских салафитов.

6. Анализ причин террористической эмиграции в России

В настоящем докладе мы описали довольно большой объем данных, характеризующих терэмиграцию, ее участников и их мотивы. Чтобы систематизировать эти данные, рассмотрим сумму мотивов и обстоятельств терэмигранта с точки зрения стандартной схемы вербовки, описанной психологами¹⁰¹.

Если исключить моменты, связанные с выбранной тактикой вербовщика и других членов МТО, работающих с потенциальным не-офитом, то мы можем выделить три составные части:

- Изначальный побудительный мотив терэмигранта, который заставляет его искать выход из существующих жизненных условий;
- Мотивация и сумма этических ограничений, которые позволяют рассматривать терроризм в качестве допустимого средства достижения жизненных целей;
- Восприятие ИГИЛ или иной МТО в качестве «идеальной картины», желаемого образца среды жизни и деятельности.

⁹⁹Тяпков М. От футбола до террора. Истории игроков, уехавших воевать в Сирию // Чемпионат, 14 января 2016.

¹⁰⁰Джихад на экспорт? С. 34.

¹⁰¹Ким Е. Всего 6 шагов. Как вербовщики превращают обычных людей в террористов // Станрадар, 15 июня 2017.

Естественно, задача вербовщика путем убеждения, обмана и психологических манипуляций сформировать все перечисленное у потенциального терэмигранта. Но нужно признать, что, если вербуемый изначально не имеет ничего из вышеперечисленного или даже имеет предубеждение против того, что пытается «продать» ему МТО, – задача террористов становится трудновыполнимой. Эмиграция с целью участия в войне – предприятие опасное, сомнительное морально и непростое с точки зрения быта и техники, поэтому для него нужна очень сильная мотивация.

Важный момент – терэмиграции редко предшествует коллективная психологическая обработка, характерная для тоталитарных сект. Многие завербованные вплоть до отъезда контактировали только с вербовщиками, в какой-либо кружок входило менее половины радикалов. Это указывает на то, что большую роль в формировании террористических установок играли субъективные психологические процессы.

«Позитивную картинку» долгое время позволяли сформировать объективные факторы. До 2015 года террористы вели успешную войну против Дамаска, захватывая все новые территории. Доступ к финансовым ресурсам от незаконной добычи нефти позволял обеспечить боевикам большой комфорт (постоянное жилье, возможность завести семью и т.п.), чем в Афганистане или на Северном Кавказе. Антиасадовская пропаганда прессы Запада и арабских стран в сочетании с распространением доступа в интернет существенно облегчала работу с потенциальными рекрутами.

Однако «для танго нужно двое», и для нас больший интерес представляют именно мотивы будущих террористов, которые заставили сделать их шаг навстречу вербовщикам. Что определило их желание: а) изменить свою жизнь; б) принять терроризм в качестве допустимого средства достижения поставленной цели.

Проверка нескольких наиболее распространенных версий дала следующий результат:

- Мы проверили гипотезу о влиянии экономических проблем на терэмиграцию, однако не нашли серьезных подтверждений. Большинство лиц, чьи биографии были изучены нами, не испытывали серьезных материальных проблем. При изучении ситуации в СКФО мы

установили, что уровень безработицы не коррелирует с социальными бедами, включая преступность и самоубийства, так как нехватка рабочих мест частично компенсируется теневой экономикой, самозанятостью и некоторыми нетрудовыми заработками;

- Проблемы коррупции или полицейской жестокости практически никак не влияют на радикализацию, распространение терроризма и экстремизма. Активная работа органов правопорядка провоцирует терэмиграцию преимущественно среди лиц, изначально склонных к терроризму и экстремизму, так как они опасаются ареста и не могут реализовать криминальные наклонности. Существующая правовая база затрудняет предотвращение их отъезда;

- Одним из факторов, определяющих высокий уровень терэмиграции в регионе, является экстремистская пропаганда в салафитских религиозных общинах. В период их формирования лидирующие позиции в них занимали сторонники терроризма, кроме того, они находились под сильным влиянием террористических организаций, действующих в Чечне.

Очевидная связь между радикализацией и идеологией сама по себе также мало что объясняет. Любая идеология с точки зрения социальной психологии – средство удовлетворения набора потребностей. Если определять их с точки зрения пирамиды Маслоу, то это потребности в любви, уважении окружающих и самоактуализации. Однако в силу очевидных причин большинство этих потребностей могли удовлетворяться терэмигрантами без каких-либо политических и религиозных идей.

Классическим социальным средством их удовлетворения в традиционном обществе является семья. Чтобы достигнуть перечисленных целей в рамках семьи, индивид должен обеспечивать экономическое благополучие своих близких и поддерживать с ними теплые отношения. Отъезд в горячую точку в эту стратегию совершенно не вписывается. Одиноких людей среди терэмигрантов очень мало в СКФО. Около 30% из них имели жен и даже детей, прочие в большинстве поддерживали связи с родителями и другими родственниками.

Проблемы в семьях отмечались нечасто, многие террористы уезжали в Сирию с женами и детьми, другие уговаривали родных потом присоединиться к ним на территориях, контролируемых террористами.

Несомненно, терэмигранты принимают идеологию террористов, когда идут на вербовку. Но это решение имеет вполне конкретные корни в их прошлой жизни, которые не связаны с религиозными вопросами.

На основе совокупности изученных нами данных мы можем предложить следующие классы причин, определяющих склонность к терэмиграции. Необходимо подчеркнуть, что для каждого экстремиста могут быть верны сразу несколько мотивов.

1. Проблемы самореализации и социальной мобильности.

Индивид испытывает внутреннюю потребность в социальном развитии и самореализации, карьере, повышении заработка, создании собственного бизнеса и т.п. Однако в текущих социальных условиях он не верит в возможность таковой и не видит какого-либо выхода. При этом речь может идти и о реальной остановке социальных лифтов, и о субъективном неверии в собственные силы. Заменителем или суррогатом этого пути может быть хобби (творчество, любительский спорт, социальный активизм и т.п.), но этот путь по каким-то причинам также недоступен. Например, в силу отсутствия подходящих организаций или кружков.

Такие мотивы наиболее характерны для Дагестана и Чечни, где реально достаточно велик уровень безработицы и при этом слабо развита инфраструктура культурного досуга, которая могла бы компенсировать существующие проблемы мобильности. Кроме того, в некоторых районах этих республик общественная мораль выдвигает завышенные требования к выбору мужчиной профессии (например, иногда совершенно недостойной считается работа в сфере обслуживания), что может создавать значительные проблемы. Однако, подчеркнем, подобные коллизии могут иметь место и в других регионах.

По сути, в этих условиях человек с потребностью в самореализации с большей долей вероятности будет не знать, куда себя деть. Наиболее велик риск для уроженцев сел, где традиционным «социальным клубом» является мечеть. Искать форму досуга такой человек с большей вероятностью будет в религиозной сфере и с большими шансами может попасть в салафитскую среду и столкнуться с радикальными проповедниками.

При этом можно предполагать, что также фактором радикализации являются низкая самооценка, слабОВОлие или плохая социальная

ориентация. В большинстве изученных нами биографий терэмигрантов нет никаких признаков того, что они искали какой-то нормальный выход из социального тупика.

Наиболее очевидные пути решения проблемы социальной мобильности: трудовая миграция, смена профессии, учеба или взятие кредита для открытия бизнеса – не использовались. В некоторых случаях индивид даже успешно прибегал к ним, но под влиянием радикальных проповедников бросал начатое, не закончив. Речь о примерах терэмиграции учащихся или о случае с торговцем-«челноком», который приехал в Турцию для закупки товара, но встретил в Стамбуле вербовщика.

В некоторых случаях кризис самореализации также ведет к вербовке женщин, однако в этих случаях толчком чаще становится неудача в личной жизни, болезненный разрыв отношений или неверие в возможность найти себе достойного партнера. В этом случае терэмигрант питает надежду создать семью или отношения на территориях, подконтрольных террористам, чаще всего с вербовщиком или вербовщицей. (В некоторых случаях по этой схеме вербуют и мужчин). Подобная ситуация равно вероятна в СКФО и вне его и связана во многом с иррациональными моментами.

Во многих случаях, судя по всему, термигрантами становятся люди, которым среда не предложила очевидных легкодоступных механизмов самореализации, а самостоятельно найти их они не смогли до момента, пока не столкнулись с террористами-вербовщиками.

Характерный социальный портрет терэмигранта этой категории: человек до 30 лет, несколько чаще мужчина, уроженец сельской местности, со средним или неоконченным высшим образованием, безработный, занятый низкоквалифицированным трудом или реже мелким теневым бизнесом. Мужчины часто женаты, женщины – либо не замужем, либо участвуют в терэмиграции по инициативе мужа или близкого родственника.

2. **Реакция на жизненный стресс.** Ситуация внешне схожа с предыдущей, так как чаще всего источником серьезного и длительного стресса выступают неудачи в профессиональной деятельности, поиске работы или личной жизни. Однако в этом случае терэмиграция воспринимается не как средство достижения желаемого, а как способ ухода от проблемы. Терэмигрант либо воспринимает свое

поведение как аутоагрессию (риск погибнуть в бою, своего рода отсроченное самоубийство), либо месть окружению или обществу, которое осуждает терроризм, или способ резко сменить обстановку и погрузиться в новые проблемы.

Среди иных возможных социально-одобряемых способов реакции на стресс: внешняя демонстрация переживаний, смена места жительства и деятельности, появление нового хобби и т.п. Социально осуждаемая реакция: пьянство, наркотики, криминальное поведение и суицид. Просто из-за активной пропаганды ИГИЛ к этим типам поведения присоединяется терроризм. Его окончательный выбор в качестве способа реакции из числа иных возможных может объясняться суммой случайных обстоятельств.

С точки зрения этого фактора в зоне риска оказываются эмоциональные люди, склонные к рефлексии, чаще до 25-28 лет, занятые низкоквалифицированным и нетворческим трудом, не имеющие эмоционально значимого хобби или доверительных отношений с родными и друзьями.

3. **Сверхценные идеи.** В некоторых случаях в основе терэмиграции может лежать чистая идеология, вернее – сверхценные идеи (не путать с «сверхценным бредом») конкретного индивида. Они могут быть связаны с исламизмом или иметь изначально иную природу, однако чаще всего их основу составляет ненависть к государству, обществу, нации или религии.

В этом случае идеи формируются не под влиянием вербовщика, а вынашиваются в течение всей предыдущей жизни. При вербовке сверхценные идеи радикала шлифуются или адаптируются к идеологии террористов, от которых изначально могут быть далеки.

Чаще всего исходными идеями могут служить: религиозный экстремизм, национальная ненависть, утопия политического толка в сочетании с экстремизмом в выборе средств достижения поставленных целей. Часто встречающиеся в российской практике примеры: радикальный салафизм, чеченский или русский этнонационализм (с точки зрения национального превосходства или ненависти к «чужим»), реже – левацкие идеи.

Носитель пытается реализовать свою идеологию тем или иным путем, но сталкивается с неприятием государства и общества. Если

он не находит в себе сил отказаться от избранных идей или хотя бы от планов их воплощения, то это ведет к формированию ненависти к государству и обществу, у которых они не находят поддержки. В этом случае терэмиграция – лишь средство мести государству и обществу, где реальная привлекательность идеологии террористов – вторична.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно об идеологической ненависти. Неизвестны какие-либо подтвержденные случаи, когда террорист бы руководствовался чувством мести за личные переживания или беды. Экстремисты из чеченской диаспоры в странах ЕС, включая Австрию, порой говорят, что «мстят» за события войны 1999-2001 гг в Чечне, ответственность за которые они механически возлагают на власти. Однако эта ненависть касается не каких-либо реальных фактов, а скорее составляет часть мифологии семьи или общины, где они воспитывались.

В зоне риска: молодежь обоего пола, имеющая радикальные антигосударственные или антиобщественные установки, как религиозного, так и светского толка. У лиц старше 30 такое поведение чаще связано с длительным неудачным опытом политической или общественной деятельности, отторжением обществом близких ему идей. В некоторых случаях причина может быть в усвоенных в семье или общине экстремистских установках.

Подчеркнем, что мы не исключаем существования у некоторых терэмигрантов других типов мотивов, включая материальные проблемы, психические отклонения и т.п. Однако наши исследования не позволили их выявить, что позволяет сомневаться в их массовости среди радикалов.

Кроме этого необходимо подчеркнуть, что обсуждение мотивов и причин терэмиграции – не дают оснований для оправдания ее участников. Подавляющее большинство из них не находилось в безвыходной жизненной ситуации. Терэмиграцию никогда не сопровождал шантаж или угрозы. Радикалы были достаточно психологически зрелыми для принятия самостоятельных жизненных решений. В каких-то обстоятельствах и деталях они могли быть обманутыми, но все они четко представляли, куда и зачем едут.

Несомненно, преступление, совершенное любым индивидом, – неудача и в какой-то мере вина общества, которое не смогло интегри-

ровать его в нормальную жизнь, использовать его потенциал и защитить себя от его противоправных действий. Однако это никоим образом не исключает личной вины каждого преступника, в особенности террориста – в содеянном.

7. Итоги исследования

В 2013-2017 гг Россия, как и многие другие страны мира, столкнулась с проблемой террористической эмиграции в Сирию и Ирак. По имеющимся данным, страну покинули более 4 тысяч терэмигрантов, около 60% которых – выходцы из республик Северного Кавказа. Проведенные исследования не позволяют говорить о том, что терроризм выражает какой-либо протестный политический тренд в России или отдельно взятом СКФО. Для населения данного региона, наоборот, характерно лояльное отношение к государственной системе и нетерпимое – к терроризму.

В течение 2000-х гг СКФО являлся регионом повышенной террористической активности, из-за последствий локальных конфликтов и существования экстремистского квазигосударства на территории Чечни в 1996-1999 гг. Однако сейчас удалось резко сократить уровень вооруженного насилия на Северном Кавказе и в прилегающих регионах: в течение 2013-2016 гг число вооруженных инцидентов и терактов в регионе сократилось почти в 4 раза, жертв таковых в – 2,6 раз. Также, по оценкам силовиков, минимум в 10 раз сократилась общая численность бандподполья. При этом уменьшилось влияние терроризма на бытовую безопасность местных жителей: если в 2013 г мирные жители и силовики составляли около 43% жертв таких инцидентов, то в 2016-м – менее 20%. Фактически оперативная инициатива в регионе полностью перешла к силовикам.

Нами был проведен анализ причин терэмиграции на двух уровнях. Во-первых, микроуровне путем анализа биографических данных случайной выборки терэмигрантов. Во-вторых, на макроуровне – путем анализа сходств и отличий социально-экономических показателей в регионах с высоким уровнем террористической эмиграции.

Проведенное исследование не подтвердило ряд традиционных представлений, включая гипотезу о том, что склонность к терроризму

и терэмиграции определяют экономические трудности, недоступность образования и т.п. При этом мы смогли выделить социальные факторы, повышающие вероятность вербовки индивида МТО и последующие терэмиграции.

Основная причина – «**неприкаянность**», отсутствие в обычной жизни эмоционально ценной работы или хобби при ограниченных перспективах социальной мобильности. Часто это явление ассоциируется с «идеологическим вакуумом», однако на практике речь идет об отсутствии у индивида дела, которому он мог бы посвятить себя. Риск терэмиграции наиболее велик в регионах, где высокий уровень безработицы сочетается со слабым развитием социально-досуговой инфраструктуры (спортивных объектов, библиотек, кружков и т.п.). В такой ситуации для терэмигранта участие в МТО – средство самореализации, включение в социальную иерархию, где у него появится возможность повысить свой статус и самооценку.

Второй фактор – наличие у потенциального терэмигранта **сильных антигосударственных или антиобщественных взглядов**, причем не обязательно исламистского толка. Последние подразумевают неприятие существующей модели государственного или общественного устройства. В этом плане базу для радикализации могут составить клерикально-салафитские взгляды, идеи национального превосходства, этнической русофобии, реже радикальных левых идей.

Сами по себе эти воззрения не обязательно подразумевают согласие с террористическими методами, однако их однозначное неприятие социальным большинством и властью – может породить у носителя стойкую ненависть к общественному окружению, которое не дает их реализовать или даже не признает в качестве легитимных. Принятие идеологии МТО в этом случае является средством мести обществу и непосредственному окружению.

Наконец, фактором радикализации может выступать **сильный и длительный стресс**, неразрывно связанный с постоянной средой пребывания индивида, семьей, соседской общиной или трудовым коллективом. Если индивид не может или не имеет сил и решительности, чтобы покинуть стрессовую среду, то участие в МТО превращается в способ бегства от стресса или оправдания такового.

Нами составлен примерный социально-психологический портрет терэмигранта. Чаще всего это мужчина от 20 до 30 лет, уроженец села

или небольшого города, часто принадлежит к этносам Северного Кавказа или стран ближнего зарубежья. По роду занятий учащийся или занят трудом, не связанным с высокой квалификацией. Во многих случаях речь о работе в теневом секторе или самозанятости.

Часто терэмигрант не отличался религиозностью до момента радикализации. В общественно-политической жизни не участвует. На подобную тематику обычно не высказывается, но может выражать презрение к существующей общественно-политической модели. С родными поддерживает ровные, но несколько холодные отношения, исключая доверительное обсуждение своих переживаний, или по характеру не любит делиться личными мыслями. Среди черт характера – тревожность, часто низкая самооценка, необщительность среди обычного окружения. Радикализации может предшествовать сильный стресс, после которого индивид кажется более угрюмым и нелюдимым, чем обычно.

Женщины-терэмигрантки также часто являются уроженками Северного Кавказа и стран-доноров рабочей силы ближнего зарубежья, чаще до 25-30 лет. Обычно делятся на два класса. Первый – замужние женщины и вдовы, материально зависимые от супруга или близкого родственника, уезжающие под его влиянием. Второй – жительницы крупных городов, учащиеся или занятые профессиями, включающими элемент творчества. При этом место работы или учебы может быть престижным, материальные проблемы – отсутствуют практически во всех известных случаях. Побудительным мотивом может являться не сложившаяся личная жизнь, ценностный кризис. Для данного типа эмигранток характерна повышенная эмоциональность, внушаемость и низкая самооценка.

Проведенный анализ показывает, что в большинстве случаев у терэмигрантов нет каких-либо непреодолимых обстоятельств, которые бы лишали их возможности выбора. Некоторые завербованные могут быть признаны интеллектуально ограниченными, однако практически всегда их знания были достаточно, чтобы понять, куда и зачем они едут. Отъезд из горячей точки, если он произошел, можно связать скорее с оперативной обстановкой – бомбежками российских ВКС и поражениями террористов на фронте. Разумеется, перечисленное не исключает реальных случаев раскаяния, но ситуация в каждом из них требует объективной оценки следствием и судом.

Практика показывает, что основной реакцией на терэмиграцию должны быть полицейские меры – ликвидация экстремистских групп, каналов вербовки и финансирования экстремистов, мониторинг случаев отъезда боевиков, чтобы исключить скрытное возвращение на родину.

С точки зрения социальной профилактики существующие меры антиэкстремистской пропаганды представляются малоэффективными. Они ориентированы на донесение общественной или богословской оценки терроризма до потенциальной аудитории вербовщиков. Однако наши изыскания показывают, что во многих случаях противопоставление себя социуму – для терэмигранта вопрос решенный, и работа вербовщика его лишь подкрепляет и обрамляет его идеологией.

Однако необходимо подчеркнуть, что террористическая эмиграция – лишь один из возможных способов деструктивной реакции на жизненную ситуацию, выбор которой обусловлен субъективными обстоятельствами, активностью экстремистского сообщества в регионе, положением в горячих точках, вниманием СМИ к проблеме и т.п. В других ситуациях реакция может иметь форму пьянства, наркомании, бытовой агрессии, суицида и т.п. Поэтому социальные механизмы предотвращения терэмиграции могут способствовать борьбе с другими негативными явлениями.

Эффективным средством профилактики может служить создание новых рабочих мест в сочетании с развитием социальной инфраструктуры, культурного проведения досуга, включающего спорт, различные хобби, социальные клубы. Необходимо создать ситуацию, когда в течение наиболее активного возраста 20-35 лет потенциальные жертвы вербовки заняты субъективно важной и интересной для них деятельностью в рамках работы или хобби. Здесь возможна масса вариантов включая поддержку волонтерства, благотворительных проектов на базе религиозных объединений, даже исторические или технические кружки.

Необходима выработка общей позиции общества и традиционной мусульманской уммы по взаимодействию с салафитскими общинами на юге России, включая пути отделения радикалом от умеренных и интеграции последних в общественно-религиозную жизнь.

В условиях Северного Кавказа необходимо снижение демографического давления на рынок труда путем создания механизмов трудовой миграции в другие регионы, включая поддержку переселенческих программ на Дальний Восток РФ. Развитие каналов горизонтальной мобильности (рекрутирование рабочих на крупные стройки, контрактная служба, «стройотряды») может само по себе способствовать борьбе с негативными проявлениями. В случае попадания в стрессовую ситуацию у индивида должны быть возможности резко сменить обстановку социально одобряемым и организованным путем. Иначе заменой такому перемещению может становиться вербовка в тоталитарные секты и терэмиграция.

Однако основным средством борьбы с терэмиграцией является ликвидация террористических центров за рубежом и анклавов, контролируемых террористами в горячих точках.